PG
3337
.O3P4

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

ПЕСТРЫЯ

СКАЗКИ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлен
были въ Цензурный Комитетъ три экземпляр
С. Петербургъ, Февраля 19 дня 1833 год

Цензоръ В. Семеновъ.

Въ типографіи Экспедиціи заготовленія Государственныхъ бумагъ.

„Olenski, Vladimir Fedorovich, писат.

ПЕСТРЫЯ СКАЗКИ

съ

КРАСНЫМЪ СЛОВЦОМЪ,

собранныя

ИРИНЕЕМЪ МОДЕСТОВИЧЕМЪ ГОМОЗЕЙКОЮ

магистромъ философіи и членомъ

разныхъ ученыхъ обществъ,

изданныя

В. БЕЗГЛАСНЫМЪ.

„Книга Исторіи. Въ ней заключаются за тридцать вековъ мудрости и тридцатью поколѣній.“

Фонъ-Визинъ въ Недорослѣ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

1833.

PG3337
O3P4

104837
'07.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Когда почтенный Ириней Модестовичъ Гомозейко, Магистръ Философіи и Членъ разныхъ ученыхъ обществъ, сообщилъ мнѣ о своемъ желаніи напечатать сочиненныя, или собранныя имъ сказки, — я старался сколь возможно отвратить его отъ сего намѣренія; представлялъ ему: какъ неприлично человѣку въ его званіи заниматься подобными разсказами; какъ съ другой стороны онѣ много потеряютъ при сравненіи съ тѣми прекрасными историческими повѣстя-

ми и романами, которыми съ нѣкотораго времени сочинители начали дарить Русскую публику; я представлялъ ему, что для однихъ читателей его сказки покажутся слишкомъ странными для другихъ слишкомъ обыкновенными; а иные безъ всякаго недоумѣнія назовутъ ихъ странными и обыкновенными вмѣстѣ; самое заглавіе его книги мнѣ не нравилось; меня не тронули даже и ободренія, которыми журналы удостоили сказку Иринея Модестовича, напечатанную имъ для опыта, подъ именемъ *Глинскаго,* въ одномъ изъ альманаховъ. Но когда Ириней Модестовичъ со слезами въ глазахъ обратилъ мое вниманіе на свой, пришедшій въ пепельное состояніе фракъ, въ которомъ ему уже не льзя болѣе

казаться въ свѣтѣ — единственное средство, по мнѣнію Иринея Модестовича, для сохраненія своей репутаціи — когда онъ трогательнымъ голосомъ расказалъ мнѣ о своемъ непреодолимомъ желаніи купить послучаю продающуюся рѣдкую книгу: Joannes ab Indagine Introductiones apotelesmaticæ in Astrologiam naturalem, а равно и les Oeuvres de Jean Belot, curé de Milmonts, professeur ès sciences Divines et Celestes, contenants la Chiromancie, Physiognomie, Traité de Divinations, Augures et songes, les sciences Steganographiques, Paulines Armadellest et Lullistes; l'art de doctement precher et haranguer etc.

Тогда всѣ мои сомнѣнія исчезли, я взялъ рукопись почтеннаго Иринея Модестовича и рѣшился издать ее.

Смѣю надѣяться, что и читатели раздѣлятъ мое снисхожденіе, тѣмъ болѣе, что оно можетъ ободрить Иринея Модестовича къ окончанію его собственной біографіи, а равно и историческихъ изысканій объ *Искуствѣ оставаться назади*, сочиненіе, которое, несмотря на недѣльное направленіе, данное ему авторомъ, содержитъ въ себѣ, по моему мнѣнію, поучительные примѣры, ясно показывающіе чего въ семъ случаѣ надлежитъ избѣгать и слѣдственно весьма полезные для практики.

Еще одно замѣчаніе: почтенный Ириней Модестовичь, не смотря на всю свою скромность и боязливость, потребовалъ отъ меня, чтобы я въ издаваемой мною книгѣ сохранилъ его собственное правописаніе,

особенно же относительно знаковъ препинанія. — Надобно знать, что Ириней Модестовичъ весьма сердится за нашу роскошь на запятые и скупость на точки: онъ не можетъ понять зачемъ, вопреки дѣльнымъ замѣчаніямъ знающихъ людей, у насъ передъ каждымъ *что* и *который* ставится запятая, а передъ *но* точка съ запятою. Вообще Ириней Модестовичъ предполагаетъ, что книги пишутся для того, дабы онѣ читались, а знаки препинанія употребляются въ оныхъ для того, дабы сдѣлать написанное понятнымъ читателю; а между тѣмъ, по его мнѣнію, у насъ знаки препинанія разставляются какъ будто нарочно для того, чтобы книгу нельзя было читать съ перваго раза — prima vista, какъ говорятъ музыканты; для избѣжанія

сего недостатка Иришей Модестовичъ старается наблюдать между знаками препинанія (, | —, ,— | ; | .) логическую іерархію; для сей же причины онъ осмѣлился занять у Испанцевъ оборотный вопросительный знакъ, который ставится въ началѣ періода для означенія, что оному при чтеніи должно дать тонъ вопроса. О семъ пусть разсудятъ читатели, а люди болѣе меня занимавшіеся симъ дѣломъ потолкуютъ.

Нужнымъ считаю присовокупить что я на себя же взялъ изданіе давно обѣщаннаго *Дома Сумасшедшихъ*; сочиненіе, которое впрочемъ, сказать правду, гораздо больше обѣщаетъ, нежели сколько оно есть въ самомъ дѣлѣ.

В. Безгласный.

ПРЕДИСЛОВІЕ СОЧИНИТЕЛЯ.

Почтеннѣйшій Читатель

Прежде всего я долгомъ считаю признаться вамъ, Милостивый Государь, въ моей несчастной слабости, . . . ¿ Что дѣлать? у всякаго свой грѣхъ, и надобно быть снисходительнымъ къ ближнему;

ето, какъ вы знаете, истина неоспоримая; одна изо всѣхъ истинъ которыя когда либо добивались чести угодить роду человѣческому,—одна, дослужившаяся до аксіомы; одна, по какому то чуду, уцѣлевшая отъ набѣга южныхъ варваровъ 18 вѣка, какъ одинокій крестъ на пространномъ кладбищѣ. И такъ узнайте мой недостатокъ, мое злополучіе, вѣчное пятно моей фамиліи, какъ говорила покойная бабушка, — я, почтенный читатель, — я изъ ученыхъ; т. е. къ несчастію не изъ тѣхъ ученыхъ, о которыхъ говорилъ Паскаль, что они ничего не читаютъ, пишутъ мало и ползаютъ много, — нѣтъ! я просто пустой ученый т. е. знаю всѣ возможные языки: живые, мертвые и полумертвые; знаю всѣ науки которыя преподаются и не преподаются на всѣхъ Европейскихъ каѳедрахъ; могу спорить о всѣхъ предметахъ, мнѣ извѣстныхъ, и неизвѣстныхъ; а пуще всего люблю себѣ

ломать голову надъ началомъ вещей и прочими тому подобными нехлѣбными предметами.

Послѣ сего можете себѣ представить какую я жалкую ролю играю въ семъ свѣтѣ. Правда, для поправленія моей несчастной репутаціи, я стараюсь втираться во всѣ извѣстные домы; не пропускаю ни чьихъ именинъ, ни рожденья, и показываю свою фигуру на балахъ и раутахъ; но къ несчастію я не танцую; не играю ни по пяти, ни по пятидесяти; не мастеръ ни очищать нумера, ни подслушивать городскія новости, ни даже говорить объ етихъ предметахъ; чрезъ мое посредство нельзя добыть ни мѣста, ни чина, ни вывѣдать какую нибудь канцелярскую тайну . . . . Когда вы гдѣ нибудь въ уголку гостиной встрѣтите маленькаго человѣчка, худенькаго, низенькаго, въ черномъ фракѣ, очень чистенькаго, съ приглаженными

волосами, у котораго на лицѣ написано: „Бога ради оставьте меня въ покоѣ“ — и который—,ради сей причины,—заложа пальцы по квартирамъ, кланяется всякому съ глубочайшимъ почтеніемъ; старается заговорить то съ тѣмъ, то съ другимъ; или съ благоговѣніемъ разсматриваетъ глубокомысленное выраженіе на лицахъ почтенныхъ старцевъ, сидящихъ за картами и съ участіемъ разспрашиваетъ о выигрышѣ и проигрышѣ; словомъ, всячески старается показать, что онъ также человѣкъ порядочный и ничего дѣльнаго на семъ свѣтѣ не дѣлаетъ; который между тѣмъ боится протягивать свою руку знакомому, что бы знакомый въ разсѣянности не отвернулся, — ето я, Милостивый Государь, я — вашъ покорнѣйшій слуга.

Представьте себѣ мое страданіе! Мнѣ, издержавшему всю свою душу на чувства, обремененному многочисленнымъ

семействомъ мыслей, удрученному основательностію своихъ познаній, — мнѣ — очень хочется иногда поблистать ими въ обществѣ; но только что разину ротъ, — явится какой нибудь молодецъ съ усами, затянутый, перетянутый и перебьетъ мою рѣчь замѣчаніями о состояніи температуры въ комнатахъ; или какой почтенный мужъ привлечетъ общее вниманіе разсказомъ о тѣхъ непостижимыхъ обстоятельствахъ которыя сопровождали проигранный имъ большой Шлемъ; — между тѣмъ вечеръ проходитъ и я ухожу домой съ запекшимися устами.

Въ семъ затруднительномъ положеніи я заблагоразсудилъ обратиться къ вамъ, почтенный читатель, ибо —, говоря безъ лести —, я знаю что вы человѣкъ милый и образованный, и притомъ не имѣете никакого средства заставить меня замолчать; читайте, не

читайте, закройте или раскройте книгу, а все таки печатныя буквы говорить не перестанутъ. И такъ волею, или неволею слушайте: а если вамъ расказъ мой понравится, то мнѣ мыслей не занимать стать, я съ вами буду говорить до скончанія вѣка.

I.

РЕТОРТА.

Реторта — Cornue — Retorte — Сосудъ перегонный; родъ бутыли съ круглымъ дномъ въ видѣ груши съ длинною шейкою...

Слов. Хим. ч. 3. с. 260.

...Положи амальгаму въ круглый стеклянный сосудъ; закупорь его и поставь въ золу, потомъ на легкой жаръ, прибавляя жару, пока сосудъ совсѣмъ не разкалится, то ты увидишь всѣ цвѣты, какіе только на свѣтѣ находятся...

Исаакъ Голландъ въ книгѣ о рукѣ Философовъ — стр. 54.

ГЛАВА I.

Введение.

Въ старину были странныя науки, которыми занимались странные люди. Етихъ людей прежде боялись и уважали; потомъ жгли и уважали; потомъ перестали бояться, но все таки уважали; намъ однимъ пришло въ голову и не бояться, и неуважать ихъ. И подлинно, — мы на это имѣемъ полное

право! Ети люди занимались — ¿чѣмъ вы думаете? они отыскивали для тѣла такое лѣкарство, которое бы исцѣляло всѣ болѣзни; для общества такое состояніе, въ которомъ бы каждый изъ членовъ благоденствовалъ; для природы, — такой языкъ, котораго бы слушался и камень и птица, и всѣ елементы; они мечтали о вѣчномъ мирѣ, о внутреннемъ ненарушимомъ спокойствіи царствъ, о высокомъ смиреніи духа! Широкое было поле для воображенія; оно обхватывало и землю и небо, и жизнь и смерть, и таинство творенія и таинство разрушенія; оно залетало за тридевять земель въ тридесятое царство, и изъ етаго путешествія приносило такія вещи, которыя ни больше, ни меньше, какъ перемѣняли платье на всемъ родѣ человѣческомъ; такія вещи, которыя —, не знаю отъ чего, — нынѣ какъ будто не встрѣчаются, или всѣ наши открытія разнеслись колесами паровой машины.

Не будемъ говорить о величественной древности: увы! она посоловѣла отъ старо-

сти; вы повѣрите на слово, что она мнѣ извѣстна лучше, нежели адрессъ-календарь какому нибудь Директору Департамента, и что я бы могъ легко описаніемъ оной наполнить цѣлую книгу; нѣтъ, мы вспомнимъ недавнее:

Знаете ли, Милостивый Государь, что было время, когда всѣ произведенія природы годились только тогда, когда природа ихъ производила; цвѣты весною, плоды осенью; — а зимою — ни цвѣточка... ¿Не правда-ли, что сто было очень скучно? Нашелся монахъ, по имени Албертъ; онъ предвидѣлъ какъ для насъ необходимо будетъ зимою устилать цвѣтами стѣны переднихъ и лѣстницъ, и нашелъ средство помочь этому горю, — и нашелъ его такъ, между дѣломъ, потому что онъ въ сто время занимался очень важнымъ предметомъ: онъ искалъ средства сотворять цвѣты, плоды и прочія произведенія природы, не исключая даже и человѣка.

Было время, когда люди на поединкѣ бѣсились, выходили изъ себя, въ етомъ преступномъ состояніи духа отправлялись на

тотъ свѣтъ и безъ покаянія, дрожа, кусая губы, съ шапкою на бекрень являлись предъ лице Миноса; монахъ Баконъ положилъ селитры съ углемъ въ тигель, поставилъ въ печь вмѣстѣ съ другими приготовленіями для философскаго камня, и нашелъ хладнокровный порохъ, посредствомъ котораго вы можете — не сердясь, перекрестившись, помолившись и въ самомъ спокойномъ и веселомъ расположеніи духа — положить передъ собою навзничь своего противника или сами разомъ протянуться, что не менѣе производитъ удовольствія.

Было время, когда не существовало — ¿ какъ бы назвать его? (мы дали этому снадобью такое имя, отъ котораго можетъ пропахнуть моя книга и привлечь вниманіе какого нибудь рыцаря веселаго образа, чего мнѣ совсѣмъ не хочется) — когда не существовало то — — то, безъ чего бы вамъ, любезный читатель, нечего было налить на вашу курильницу; старинному щеголю на свой платокъ и на самаго себя; безъ чего не льзя бы сохранять уродовъ въ Кунст-

камерѣ; нечѣмъ было бы Русскому человѣку развеселить свое сердце; словомъ то, что новые Латинцы и Французы назвали *водою жизни*. — Вообразите себѣ какую переборку должно было произвести въ ето время открытіе Арнольда де-Виллановы, — когда онъ пустилъ по міру алкоголь, собирая въ тыкву разные припасы для сотворенія человѣка по своему образу и подобію.

¿Скажите, кого бы уморила нынѣшняя Медицина, если бы Господинъ Бомбастусъ Парацельзій не вздумалъ открыть приготовленія минеральныхъ лѣкарствъ? ¿чтобы стали читать наши почтенные родители, если бы Брюсъ не написалъ своего календаря? если бы Василій Валентинъ....

Но впрочемъ ето долгая исторія; всѣхъ не переберешь, а только вамъ наскучишь. Дѣло въ томъ, что всѣ открытія тѣхъ временъ производили такоеже обширное вліяніе на человѣчество, какое бы нынѣ могло произвести соединеніе паровой машины съ воздушнымъ шаромъ, — открытіе, мимоходомъ

будь сказано, которое поднялось было да и засѣло и, словно виноградъ, не дается нашему вѣку.

¿ Не ужели въ самомъ дѣлѣ всѣ сіи открытія были случайныя? ¿ развѣ Автоматъ Алберта Великаго не требовалъ глубокихъ механическихъ соображеній? ¿ развѣ antimonium Василія Валентина и открытія Парацельзія не предполагаютъ глубокихъ химическихъ свѣденій? ¿ развѣ ars magna Раймонда Луллія, могло выдти изъ головы непривыкшей къ труднымъ философскимъ исчисленіямъ; развѣ, развѣ..... ¿ Да если бы сіи открытія и были случайныя, то зачѣмъ сіи случаи не случаются нынѣ, когда не сотня монаховъ, разбросанныхъ по монастырямъ между дюжиною рукописей и костромъ инквизиціи, а тысяча ученыхъ, окруженныхъ словарями, машинами, на мягкихъ креслахъ, въ крестахъ, чинахъ и на хорошемъ жалованьи трудятся, пишутъ, вычисляютъ, вытягиваютъ вымѣриваютъ природу и безпрестанно сообщаютъ другъ другу свои обмѣрки? — ¿ Какое изъ ихъ многочисленныхъ откры-

тій можетъ похвалиться, что оно столько же радости надѣлало на земномъ шарѣ, какъ открытія Арнольда де Виллановы съ Компаніею?

А кажется мы смышленѣе нашихъ предковъ: мы обрѣзали крылья у воображенія; мы составили для всего системы, таблицы; мы назначили предѣлъ, за который не долженъ переходить умъ человѣческій; мы опредѣлили чѣмъ можно и должно заниматься, такъ, что теперь ему ужъ не нужно терять времени по пустому и бросаться въ страну заблужденій —

¿По не въ стомъ ли бѣда наша? ¿не отъ того ли что предки наши давали больше воли своему воображенію, не отъ того ли и мысли ихъ были шире нашихъ, и обхватывая бо́льшее пространство въ пустынѣ безконечнаго, открывали то, чего намъ ввѣкъ не открыть въ нашемъ мышиномъ горизонтѣ.

Правда, намъ и некогда; мы занимаемся гораздо важнѣйшими дѣлами: мы составля-

емъ системы для общественнаго благоденствія, посредствомъ которыхъ цѣлое общество благоденствуетъ, а каждый изъ членовъ страдаетъ —, словно медикъ который бы облепилъ все тѣло больнаго шпанскими мухами и сталъ его увѣрять что отъ того происходитъ его внутреннее здоровье; мы составляемъ статистическія таблицы — посредствомъ которыхъ находимъ что въ одной сторонѣ, съ увеличеніемъ просвѣщенія уменьшаются преступленія, а въ другой увеличиваются, — и въ недоумѣніи ломаемъ голову надъ етимъ очень труднымъ вопросомъ; составляемъ рамку нравственной философіи для особеннаго рода существъ, которые называются образами безъ лицъ и стараемся подтянуть подъ нее всѣ лица съ маленькими, средними и большими носами; мы отыскиваемъ средства какъ бы провести цѣлый день, не пропустивъ себѣ ни одной мысли въ голову, ни одного чувства въ сердце; — какъ-бы обойтиться безъ любви, безъ вѣры, безъ думанья, не двигаясь съ мѣста, словомъ безъ всей етой фланели отъ которой неловко, шерститъ, беспокоитъ;

мы ищемъ способа обдѣлать такъ нашу жизнь, чтобы ея исторію приняли на томъ свѣтѣ за расходную книгу церковнаго старосты; — и должно признаться, что во всемъ етомъ мы довольно успѣли; ¿а въ медицинѣ? мы трудились, трудились — и открыли газы —, и замѣтьте въ то самое время, когда химикъ Беккеръ убилъ Алхимію, — разобрали всѣ металлы и соли по порядку; соединяли, соединяли, разлагали, разлагали; нашли желѣзисто-синеродный потассій, положили его въ тигель, расплавили, истолкли въ порошокъ, прилили водохлорной кислоты, пропустили сквозь сухой хлористый кальцій и проч. и проч. — сколько работы! — и послѣ всѣхъ етихъ трудовъ мы добыли наконецъ прелюбезную жидкость съ прекраснымъ запахомъ горькаго миндаля, — которую ученые называютъ водосинеродною кислотою, acide hydrocyanique, acidum borussicum, а другіе acide prussique, — но которая во всякомъ случаѣ гаситъ человѣка разомъ, духомъ, — какъ свѣчу, опущенную въ мефитическій воздухъ; мы даемъ ету жидкость нашимъ больнымъ во всякихъ бо-

лѣзняхъ и ни мало не жалѣемъ когда больные не выздоравливаютъ....

Етими то —, нѣкогда знаменитыми науками, — а именно: Астрологическими, Хиромантическими, Парѳеномантическими, Онеиромантическими, Кабалистическими, Магическими и проч. и проч.... я задумалъ, Милостивый Государь, заниматься, и нахожусь въ твердой увѣренности, что когда нибудь сдѣлаю открытіе въ родѣ Арнольда Виллановы! — и теперь хотя я еще не далеко ушелъ въ сихъ наукахъ, но ужъ сдѣлалъ весьма важное наблюденіе: я узналъ какую важную ролю играетъ на свѣтѣ философская калцинація, сублимація и дистиллація.

Я разскажу вамъ, любезный читатель —, если вы до сихъ поръ имѣли терпѣніе продраться сквозь тернистую стезю моей необьятной учености, — я разскажу вамъ случившееся со мною произшествіе и — повѣрьте мнѣ — разскажу вамъ сущую правду, не прибавляя отъ себя ни одного сло-

ва; разскажу вамъ то что видѣлъ, видѣлъ, своими глазами видѣлъ....

ГЛАВА II.

Какимъ образомъ сочинитель узналъ отъ чего въ гостинныхъ бываетъ душно.

Я былъ на балѣ; балъ былъ прекрасный; пропасть карточныхъ столовъ, еще больше людей, еще больше свѣчей, а еще больше конфетъ и мороженаго. На балѣ было очень весело и живо; всѣ были заняты: музыканты играли, игроки также, дамы искали, дѣвушки не находили кавалеровъ, кавалеры прятались отъ дамъ: одни гонялись за партенерами, другіе кочевали изъ комнаты въ комнату; иные сходились въ кружокъ, сообщали другъ другу собранныя ими замѣчанія о

температурѣ воздуха, и расходились; словомъ, у всякаго было свое занятіе, а между тѣмъ тѣснота и духота такая что всѣ были внѣ себя отъ восхищенія. Я также былъ занятъ: къ чрезвычайному моему удивленію и радости, отъ тѣсноты —; или такъ, по случаю, — мнѣ удалось прижать къ углу какого-то господина который только что проигралъ 12 робертовъ сряду; и я въ утѣшеніе принялся разсказывать ему: о походѣ Наполеона въ 1812 году, объ убіеніи Димитрія Царевича, о монументѣ Минину и Пожарскому, и говорилъ такъ краснорѣчиво, что у моего слушателя отъ удовольствія сдѣлались судороги и глаза его невольно стали поворачиваться со стороны на сторону; ободренный успѣхомъ, я готовъ уже былъ приступить къ разбору Несторовой Лѣтописи, когда къ намъ приблизился почтенный старецъ: высокаго роста, полный, но блѣдный, въ синемъ фракѣ, съ впалыми глазами, съ величественнымъ на лицѣ выраженіемъ, — приблизился, схватилъ моего товарища за руку и тихо, таинственнымъ голосомъ произнесъ: „¿вы играете по пятидесяти?“ Едва онъ

произнесъ сти слова, какъ и старецъ въ синемъ фракѣ и мой товарищъ исчезли, — а я было только завелъ рѣчь о томъ что Несторъ списалъ свою лѣтопись у Григорія Арматолы..... Я обернулся и удивленными глазами спрашивалъ у окружающихъ объясненія сего страннаго происшествія ...

„¿Какъ вамъ не совѣстно было“ сказалъ мнѣ кто то „держать столько времени етаго несчастнаго? онъ искалъ партенера отыграться, а вы ему цѣлый часъ мѣшали.....“

Я покраснѣлъ отъ досады, но скоро утѣшилъ мое самолюбіе, разсудивъ что слова таинственнаго человѣка были не иное что какъ лозунгъ какого нибудь тайнаго общества, къ которому вѣроятно принадлежалъ и мой пріятель; признаюсь что ето открытіе меня ни мало не порадовало и я, размышляя какъ бы мнѣ выпутаться изъ бѣды, и задыхаясь отъ жара, подошелъ къ форточкѣ которую благодѣтельный хозяинъ приказалъ отворить прямо противъ разтанцовавшихся дамъ.....

Къ чрезвычайному моему удивленію изъ отворенной форточки не шелъ свѣжій воздухъ, а между тѣмъ на дворѣ было 20 градусовъ мороза, — ¿кто ето могъ знать лучше меня, меня который пробѣжалъ пѣшкомъ изъ Коломны до Невскаго проспекта въ однихъ башмакахъ? — Я вознамѣрился разрѣшить етотъ вопросъ, вытянулъ шею, заглянулъ въ форточку, смотрю: что то за нею свѣтится, — огонь не огонь, зеркало не зеркало; я призвалъ на помощь всѣ мои кабалистическія знанія, ну исчислять, разсчислять, допытываться и ¿что же я увидѣлъ? за форточкою было выгнутое стекло котораго края, продолжаясь и въ верхъ и въ низъ, терялись изъ глазъ; я тотчасъ догадался что тутъ кто-то чудеситъ надъ нами; вышелъ въ двери — то же стекло у меня передъ глазами; обошелъ кругомъ всего дома, высматривалъ, выглядывалъ, и открылъ, — ¿что бы вы думали? что какой то проказникъ посадилъ весь домъ, мебели, шандалы, карточные столы и всю почтенную публику, и меня съ нею вмѣстѣ, въ стеклянную реторту съ выгнутымъ носомъ! Ето мнѣ показалось довольно

любопытно. Желая узнать чѣмъ кончится ста проказа, я воспользовался тою минутою, когда кавалеры съ дамами задремали въ мазуркѣ, вылезъ въ форточку и осторожно спустился — на дно реторты; тутъ-то я узналъ отъ чего въ гостиной было такъ душно! проклятый Химикъ подвелъ подъ насъ лампу и безъ всякаго милосердія дистиллировалъ почтенную публику!...

ГЛАВА III.

Что происходило съ сочинителемъ, когда онъ попался въ реторту.

Долго я размышлялъ надъ симъ удивительнымъ явленіемъ, а между тѣмъ —, можете себѣ представить, почтенный читатель, каково мнѣ было на днѣ реторты, надъ самымъ жаромъ; — мой новый, прекрасный черный фракъ началъ сжиматься и слетать съ

меня пылью; мой чистый, тонкій батистовый галстукъ покрылся сажею; башмаки прогорѣли; вся кожа на тѣлѣ сморщилась и самаго меня такъ покоробило, что я сдѣлался вдвое меньше; наконецъ отъ волосъ пошелъ дымъ; мозгъ закипѣлъ въ черепѣ и ну выскакивать изъ глазъ въ видѣ маленькихъ пузырьковъ которые лопались на воздухѣ; не стало мнѣ силы терпѣть ету калцинацію; возвратиться опять въ комнаты уродомъ было бы слишкомъ обидно для моей чистоплотной репутаціи; къ тому же мнѣ хотѣлось узнать: ¿зачѣмъ дистиллируютъ почтенную публику?— вотъ я и рѣшился пробраться къ узкому горлу реторты; съ трудомъ я докарабкался до него, уперся ногами и увидѣлъ сквозь тонкое стекло, —¿кого вы думаете? Соображая въ умѣ древнія преданія, я ожидалъ, что увижу самого Господина Люцифера съ большими рогами, съ длиннымъ хвостомъ и растянутою харею; или хотя злобнаго старика, съ насмѣшливою миною, въ парикѣ съ кошелькомъ, въ сѣромъ Французскомъ кафтанѣ и въ красномъ плащѣ; или покрайней мѣрѣ Мефистофеля въ Гиш-

панскомъ костюмѣ; или наконецъ, хотя одного изъ тѣхъ любезныхъ молодыхъ людей—, которыхъ злодѣи Французы такъ хорошо рисуютъ на виньеткахъ къ своимъ романамъ, — въ модномъ фракѣ, съ большими бакенбардами, съ двойнымъ лорнетомъ. — Нѣтъ, милостивые государи, надъ почтеннѣйшею публикою потѣшался—, стыдъ сказать,— потѣшалось дитя; по нашему говоря, лѣтъ пяти; въ маленькой курточкѣ; безъ галстука; съ кислою миною, съ крошечными рожками и съ маленькимъ, только что показавшимся хвостикомъ!..

¿Не обидно ли это?

Ужъ старые черти не удостоиваютъ и вниманія нашъ 19 вѣкъ!

Отдаютъ его на потѣху чертенятамъ!

Вотъ до чего мы дожили съ нашей паровою машиною, альманахами, атомистическою Химіею, піявками, благоразуміемъ нашихъ дамъ, Англійскою философіею, общипанными фраками, Французскою вѣрою и съ уставомъ благочинія нашихъ гостиныхъ. Досада взяла

меня: я рѣшился, призывая на помощь кабалистовъ всѣхъ вѣковъ и всего міра, отмстить за нашъ 19 вѣкъ, проучить негоднаго мальчишку и съ симъ великодушнымъ намѣреніемъ сквозь узкое горло выскочилъ изъ реторты.....

ГЛАВА IV.

Какимъ образомъ сочинитель попалъ въ Латинскій словарь и что онъ въ немъ увидѣлъ.

„Суета, суета всѣ замыслы человѣческіе,“ говоритъ, — ¿кто бишь говоритъ? да я говорю, — не въ томъ сила. Ужъ сколько лѣтъ умышляются люди какъ бы на семъ свѣтѣ жизнію пожить, а суету въ отставку выкинуть; — такъ нѣтъ, не дается; вѣдь кажется, суета не важный чиновникъ, а и подъ него умные люди умѣютъ подкапываться. Живешь, живешь, нарахтишься, нарахтишься, жить — не

живешь, смерти не знаешь, умрешь и ¿что же останется? сказать стыдно. ¿Не ужели только? такъ ети всѣ прекрасныя слова: любовь, добро, умъ, все сто шутка? Нѣтъ, господа, извините; ужъ если кто ошибся, такъ скорѣе люди, нежели кто другой. Дѣло-то въ томъ, кажется, что люди также принимаются за жизнь, какъ я за средство выбраться изъ реторты: ищемъ какъ бы полегче; анъ не тутъ-то было!...

Едва я показалъ носъ изъ реторты какъ сатаненокъ стиснулъ меня въ щипцы, которыми обыкновенно Ентомологи ловятъ мошекъ; потомъ хвать меня за уши да и сунь въ претолстый Латинскій словарь —, ибо, вѣроятно извѣстно почтеннѣйшему читателю, что съ тѣхъ поръ какъ нѣкоторые черти, сидя въ бѣснующихся, ошиблись, разговаривая по Латынѣ, — Луциферъ строго приказалъ чертямъ основательно учиться Латинскому языку; а черти—, словно люди,— учиться не учатся, а все таки носятся съ букварями.

Между тѣмъ мнѣ было совсѣмъ не до Латыни; проклятый дьяволенокъ такъ меня

приплюснулъ, что во мнѣ всѣ косточки затрещали. Притомъ вообразите себѣ: въ словарѣ холодно, темно, пахнетъ клѣемъ, плѣсенью, чернилами, юфтью, нитками рѣжетъ лице, бока ломаетъ о типографскія буквы; признаюсь, что я призадумался. Долго не зналъ, что мнѣ дѣлать и что со мною будетъ, — горе меня взяло: еще никогда на семъ свѣтѣ мнѣ такъ тѣсно не приходилось.

Къ счастію Латинскій словарь былъ переплетенъ на Англійскій манеръ, т. е. съ срѣзаннымъ задкомъ, — отъ етаго нитки прорвали листы, листы распустились и между ними сдѣлались довольно большія отверстія..... вотъ вѣдь я знаю что дѣлаю, когда крѣпко на крѣпко запрещаю переплетчику срѣзывать задки у моихъ книгъ, нѣтъ хуже етаго переплета, — между листовъ всегда можетъ кто нибудь прорваться.

Пользуясь невѣжествомъ чертей въ переплетномъ дѣлѣ, я ну поворачиваться со стороны на сторону и головою, словно ши-

ломъ, увеличивать отверстіе между листами и наконецъ —, къ величайшему моему удовольствію, я достигъ до того что могъ просунуть въ отверстіе голову. Едва удалось мнѣ это сдѣлать, какъ не теряя бодрости —, ибо издавна обращаясь съ нечистою силою, чертей гораздо меньше боюся, нежели людей, — я громкимъ голосомъ закричалъ сатаненку:

„Молодъ еще, братъ, потѣшаться надъ почтенною публикою — еще у тебя усъ не пробило....“

— Да ужъ хороша и потѣха, — отвѣчалъ негодный мальчишка —, въ другихъ мѣстахъ я таки кое что набралъ, а у васъ въ гостиныхъ ¿льдины что ли сидятъ? кажется у васъ и свѣтло, и тепло, и пропасть свѣчей, и пропасть людей; а чтожъ на повѣрку? день деньской васъ варишь, варишь, жаришь, жаришь, а много много что выскочитъ изъ реторты нашъ же братъ чертененокъ, не вытерпѣвшій вашей скуки. Хоть бы попалась изъ гостиной какая нибудь

закружившаяся бабочка! и того нѣтъ, только и радости, что валитъ изъ реторты копоть да вода, вода да копоть, — индо тошно стало. —

Я оставилъ безъ отвѣта слова дерзкаго мальчишки, хотя бы могъ отвѣчать ему сильно и убѣдительно, и въ етомъ случаѣ — виноватъ — поступилъ по чувству егоизма которымъ, вѣроятно, я заразился въ гостиной: — я замѣтилъ что сатаненокъ, по обычаю всѣхъ лѣнивыхъ мальчишекъ, навертѣлъ указкою пропасть дыръ на словарѣ; я тотчасъ расчелъ что мнѣ въ нихъ будетъ гораздо удобнѣе пролезть, нежели въ отверстіе, оставшееся между листами, и тотчасъ я принялся за работу и ну протираться изъ страницы въ страницу.

Сіе многотрудное путешествіе которое можно сравнить развѣ съ путешествіями Капитана Парри между льдинами океана, было мнѣ не безполезно; на дорогѣ я встрѣтился съ паукомъ, мертвымъ тѣломъ, колпакомъ, Игошею и другими любезными моло-

дыми людьми которыхъ проклятый бѣсенокъ собралъ со всѣхъ сторонъ свѣта, и заставлялъ раздѣлять мою участь. Многіе изъ етихъ господъ, отъ долгаго пребыванія въ словарѣ, такъ облѣпились словами, что начали превращаться въ сказки: иной еще сохранялъ свой прежній образъ; другой совсѣмъ превратился въ печатную статью; а нѣкоторые изъ нихъ были ни то, ни сё: получеловѣкъ и полусказка....

Повѣривъ другъ другу свои происшествія, мы стали разсуждать о средствахъ избавиться отъ нашего заточенія; я представилъ сотоварищамъ планъ, весьма благоразумный, а именно: пробираясь сквозь дыры, наверченныя указкою изъ страницы въ страницу, поискать: ¿не найдемъ ли подобнаго отверстія и въ переплетѣ, сквозь который можно было бы также пробраться тихомолкомъ?

Но представьте себѣ мой ужасъ и удивленіе, когда —, пока мы говорили, — я почувствовалъ что самъ начинаю превращать-

ся въ сказку: глаза мои обратились въ епиграфъ, изъ головы попадѣлалось нѣсколько главъ, туловище сдѣлалось текстомъ, а ногти и волосы заступили мѣсто ошибокъ противъ языка и опечатокъ, необходимой принадлежности ко всякой книгѣ.....

Къ щастію въ сто время балъ кончился и гости, разъѣзжаясь, разбили реторту; сатаненокъ испугался и, схватя словарь подъ мышку, побѣжалъ помочь своему горю; но въ торопяхъ выронилъ нѣсколько листовъ своей дурно переплетенной книги, а съ листами нѣкоторыхъ изъ своихъ узниковъ — въ числѣ коихъ находился и вашъ покорный слуга, почтенный читатель!

На чистомъ воздухѣ я употребилъ всѣ извѣстные мнѣ магическіе способы, необходимые для того чтобы опять обратиться въ человѣка — не знаю до какой степени удалось мнѣ сто; но едва я отлѣпился отъ бумаги, едва отеръ съ себя типографскія чернила, какъ почувствовалъ человѣческую натуру: схватилъ

оброненныхъ сатаненкомъ моихъ товарищей, лежавшихъ на землѣ, и — вмѣсто того чтобы помочь имъ, расчиталъ что гораздо для меня будетъ полезнѣе свернуть ихъ въ комокъ, запрятать въ карманъ и наконецъ — — представить ихъ на благоразсмотрѣніе почтеннаго читателя....

II.

СКАЗСКА

О МЕРТВОМЪ ТѢЛѢ, НЕИЗВѢСТНО КОМУ ПРИНАДЛЕЖАЩЕМЪ.

Правда, волостной писарь, выходя на четвереньках изъ шинка, видѣлъ, что мѣсяцъ, ни съ сего, ни съ того, танцовалъ на небѣ и ударялъ съ большою въ томъ же село; но міряне качали головами и даже подымали его на смѣхъ.

Рудый Панько, *въ Вечерахъ на Хуторѣ.*

По торговымъ селамъ Рѣженскаго уѣзда было сдѣлано отъ Земскаго Суда слѣдующее объявленіе:

„Отъ Рѣженскаго Земскаго Суда объявляется, что въ вѣдомствѣ его, на выгонной землѣ деревни Морковкиной-Наташино тожъ,

21 минувшаго Ноября найдено неизвѣстно чье мертвое мужеска пола тѣло, одѣтое въ сѣрый суконный вѣтхій шинель; въ нитяномъ кушакѣ, жилетѣ суконномъ краснаго и отчасти зеленаго цвѣта, въ рубашкѣ красной пестрядинной; на головѣ картузъ изъ старыхъ пестрядинныхъ тряпицъ съ кожанымъ козырькомъ; отъ роду покойному около 43 лѣтъ, росту 2 арш. 10 вершковъ, волосомъ свѣтлорусъ, лицемъ бѣлъ, гладколицъ, глаза сѣрые, бороду брѣетъ, подбородокъ съ просѣдью, носъ великъ и нѣсколько насторону, тѣлосложенія слабаго. Почему симъ объявляется: не окажется ли оному тѣлу бывшихъ родственниковъ или владѣльца онаго тѣла; таковые благоволилибы увѣдомить отъ себя въ село Морковкино — Наташино тожъ, гдѣ и слѣдствіе объ ономъ, неизвѣстно кому принадлежащемъ, тѣлѣ производится; а если таковыхъ не найдется, то и о томъ благоволили бъ увѣдомить въ оное же село Морковкино."

Три недѣли прошло въ ожиданіи владѣльцевъ мертваго тѣла; никто не являлся и на-

конецъ Засѣдатель съ Уѣзднымъ Лѣкаремъ отправились къ помѣщику села Морковкина въ гости; въ выморочной избѣ отвели квартиру Приказному Севастьянычу, также прикомандированному на слѣдствіе. Въ той же избѣ, въ заклѣти, находилось мертвое тѣло которое на завтра Судъ собирался вскрыть и похоронить обыкновеннымъ порядкомъ. Ласковый Помѣщикъ, для утѣшенія Севастьяныча въ его уединеніи, прислалъ ему съ барскаго двора гуся съ подливой, да штофъ домашней желудочной настойки.

Уже смерклось. Севастьянычь, какъ человѣкъ оккуратный, вмѣсто того чтобъ по обыкновенію своихъ собратій, взобраться на полати возлѣ только что истопленной и жарко истопленной печи, — разсудилъ за благо заняться приготовленіемъ бумагъ къ завтрешнему засѣданію, по тому болѣе уваженію что хотя отъ гуся остались однѣ кости, но только четверть штофа была опорожнена; онъ предварительно поправилъ свѣтильню въ желѣзномъ ночникѣ, нарочито для подобныхъ случаевъ хранимомъ старостою села Морковкина, — и потомъ изъ кожанаго мѣшка вы-

тащилъ старую замасленую тетрадку. Севастьянычь не могъ на нее посмотрѣть безъ умиленія: то были выписки изъ различныхъ Указовъ, касающихся до земскихъ дѣлъ, доставшіяся ему по наслѣдству отъ батюшки, блаженной памяти Подьячаго съ припискою—, въ городѣ Рѣженскѣ за ябѣды, лихоимство и непристойное поведеніе отставленнаго отъ должности, съ таковымъ впрочемъ поясненіемъ, чтобы его впредь ни куда не опредѣлять и просьбъ отъ него не принимать,— за что онъ и пользовался уваженіемъ всего уѣзда. Севастьянычь, невольно вспоминалъ, что ета тетрадка была единственный кодексъ которымъ руководствовался Рѣженскій Земскій Судъ въ своихъ дѣйствіяхъ; что одинъ Севастьянычь могъ быть истолкователемъ таинственныхъ символовъ етой Сивиллиной книги; что посредствомъ ея магической силы онъ держалъ въ повиновеніи и Исправника и Засѣдателей, и заставлялъ всѣхъ жителей околодка прибѣгать къ себѣ за совѣтами и наставленіями; почему онъ и берегъ ее какъ зеницу ока, никому не показывалъ и вынималъ изъ подъ спуда только въ случаѣ

крайней надобности; съ усмѣшкою онъ останавливался на тѣхъ страницахъ, гдѣ частію рукою его покойнаго батюшки и частію его собственною, были то замараны, то вновь написаны разныя незначущія частицы, какъ то: *не*, *а*, *и* и проч., и естественнымъ образомъ Севастьянычу приходило на умъ: какъ глупы люди и какъ умны онъ и его батюшка.

Между тѣмъ онъ опорожнилъ вторую четверть штофа и принялся за работу; но пока привычная рука его быстро выгибала крючки на бумагѣ, его самолюбіе, возбужденное видомъ тетрадки, работало: онъ вспоминалъ сколько разъ онъ перевозилъ мертвыя тѣла на границу сосѣдняго уѣзда и тѣмъ избавлялъ своего Исправника отъ излишнихъ хлопотъ; да и вообще: составить ли опредѣленіе, справки ли навести, подвести ли законы, войти ли въ сношеніе съ просителями, рапортовать ли начальству о невозможности исполнить его предписанія, — вездѣ и на все Севастьянычь; съ улыбкою воспоминалъ онъ объ изобрѣтенномъ имъ средствѣ: вся-

кой повальный обыскъ обращать въ любую сторону; онъ вспоминалъ какъ еще недавно такимъ невиннымъ способомъ онъ спасъ одного своего благопріятеля: етотъ благопріятель сдѣлалъ какое то дѣльцо, за которое онъ могъ бы легко совершить нѣкорое не совсѣмъ пріятное путешествіе; учиненъ допросъ, наряженъ повальный обыскъ,— но при семъ случаѣ Севастьянычь надоумилъ спросить прежде всѣхъ одного грамотнаго молодца съ руки его благопріятелю; по словамъ грамотнаго молодца написали бумагу которую грамотный молодецъ перекрестяся подписалъ, а самъ Севастьянычь приступилъ къ одному обывателю, къ другому, къ третьему съ вопросомъ; „¿И ты тоже, и ты тоже?“ да такъ скоро началъ перебирать ихъ что—, пока обыватели еще чесали за ухомъ и кланялись, приготовляясь къ отвѣту,— онъ успѣлъ ихъ переспросить всѣхъ до послѣдняго, и грамотный молодецъ снова, за неумѣніемъ грамоты своихъ товарищей, подписалъ перекрестяся, ихъ единогласное показаніе. Съ неменьшимъ удовольствіемъ вспоминалъ Севастьянычь какъ при случившемся значительномъ

начетѣ на Исправника, онъ успѣлъ вплести въ сто дѣло человѣкъ до пятидесяти, начетъ разложить на всю братію, а потомъ всѣхъ и подвести подъ милостивый Манифестъ.—Словомъ, Севастьянычь видѣлъ, что во всѣхъ знаменитыхъ дѣлахъ Рѣженскаго Земскаго Суда онъ былъ единственнымъ виновникомъ, единственнымъ выдумщикомъ и единственнымъ исполнителемъ; что безъ него бы погибъ Засѣдатель, погибъ Исправникъ, погибъ и Уѣздный Судья и Уѣздный Предводитель; что имъ однимъ держится древняя слава Рѣженскаго уѣзда, — и невольно по душѣ Севастьяныча пробѣжало сладкое ощущеніе собственнаго достоинства. Правда, издали —, какъ будто изъ облаковъ, — мелькали ему въ глаза сердитые глаза Губернатора, допрашивающее лице Секретаря Уголовной Палаты; но онъ посмотрѣлъ на занесенныя метелью окошки; подумалъ о трехъ стахъ верстахъ, отдѣляющихъ его отъ сего ужаснаго призрака; для увеличенія бодрости выпилъ третью четверть штофа и — — мысли его сдѣлались гораздо веселѣе: ему представился его веселый Рѣженскій домикъ, нажитый

своимъ умкомъ; бутыли съ наливкою на окошкѣ между двумя бальзаминными горшками; шкапъ съ посудою и между нею въ срединѣ на почетномъ мѣстѣ хрустальная на фарфоровомъ блюдцѣ перешница: вотъ идетъ его полная бѣлолицая Лукерья Петровна; въ рукахъ у ней здобный крупичатый коровай; вотъ телка, откормленная къ Святкамъ, смотритъ на Севастьяныча; большой чайникъ съ самоваромъ ему кланяется и подвигается къ нему; вотъ теплая лежанка, а возлѣ лежанки перина съ камчатнымъ одѣяломъ, а подъ периною свернутый лоскутъ пестрядки, а въ пестрядкѣ бѣлая холстинка, а въ холстинкѣ кожаный книжникъ, а въ книжникѣ сѣренькія бумажки; — тутъ воображеніе перенесло Севастьяныча въ лѣта его юности: ему представилось его бѣдное житье-бытье въ батюшкиномъ домѣ; какъ часто онъ голодалъ отъ матушкиной скупости; какъ его отдали къ дьячку учиться грамотѣ —, онъ отъ души хохоталъ вспоминая, какъ однажды съ товарищами забрался къ своему учителю въ садъ за яблоками и напугалъ дьячка который принялъ его за настоящаго вора;

какъ за то былъ высѣченъ и въ отмщеніе оскоромилъ своего учителя въ самую Страстную Пятницу; потомъ представлялось ему: какъ наконецъ онъ обогналъ всѣхъ своихъ сверстниковъ и достигъ до того что читалъ апостолъ въ приходской церкви, начиная самымъ густымъ басомъ и кончая самымъ тоненькимъ голоскомъ, на удивленіе всему городу; какъ Исправникъ, замѣтивъ что въ ребенкѣ будетъ прокъ, приписалъ его къ Земскому Суду; какъ онъ началъ входить въ умъ; оженился съ своею дражайшею Лукерьей Петровной; получилъ чинъ Губернскаго Регистратора, въ коемъ и до днесь пребываетъ, да добра наживаетъ; сердце его растаяло отъ умиленія и онъ на радости опорожнилъ и послѣднюю четверть обворожительнаго напитка. Тутъ пришло Севастьянычу въ голову что онъ не только что въ Приказѣ, но хватъ на всѣ руки: какъ заслушиваются его, когда онъ подъ вечерокъ, въ веселый часъ, примется разсказывать о Бовѣ Королевичѣ, о похожденіяхъ Ваньки Канна, о путешествіи купца Коробейникова въ Іерусалимъ — неумолкаемыя гусли, да и

только! — и Севастьянычь началъ мечтать: куда бы хорошо было, если бы у него была сила Бовы Королевича и онъ бы смогъ кого за руку — у того рука прочь, кого за голову — у того голова прочь; потомъ захотѣлось ему посмотрѣть, что за Кипрскій такой островъ есть, который, — какъ описываетъ Коробейниковъ, — изобиленъ деревяннымъ масломъ и Греческимъ мыломъ, гдѣ люди ѣздятъ на ослахъ и на верблюдахъ, и онъ сталъ смѣяться надъ тамошними обывателями которые не могутъ догадаться запрягать ихъ въ сани; тутъ начались въ головѣ его разсужденія: — онъ нашелъ что или въ книгахъ неправду пишутъ, или вообще Греки должны быть народъ очень глупый, потому что онъ самъ разспрашивалъ у Грековъ —, пріѣзжавшихъ на Рѣженскую ярмарку съ мыломъ и пряниками, и которымъ кажется должно было знать что́ въ ихъ землѣ дѣлается, ¿ зачемъ они взяли городъ Трою —, какъ именно пишетъ Коробейниковъ, — а Царь-градъ уступили Туркамъ? — и никакого толку отъ етаго народа не могъ добиться: что́ за Троя такая, Греки

не могли ему расказать, говоря что вѣроятно выстроили и взяли етотъ городъ въ ихъ отсутствіе; — пока онъ занимался етимъ важнымъ вопросомъ предъ глазами его проходили: и Аранскіе разбойники; и Гиплое море; и процессія погребенія кота; и Палаты Царя Фараона, внутри всѣ вызолоченныя; и птица Строфокамилъ, вышиною съ человѣка, съ утиною головою, съ камнемъ въ копытѣ....

Его размышленія были прерваны слѣдующими словами которыя кто-то проговорилъ подлѣ него:

„Батюшка Иванъ Севастьянычь! я къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою"

Ети слова напомнили Севастьянычу его ролю Приказнаго и онъ по обыкновенію принялся писать гораздо скорѣе, наклонилъ голову какъ можно ниже, и не сворачивая глазъ съ бумаги, отвѣчалъ протяжнымъ голосомъ:

—¿Что вамъ угодно?

„Вы отъ Суда вызываете владѣльцевъ поднятаго въ Морковкинѣ мертваго тѣла."

— Та-акъ-съ —

„Такъ изволите видѣть — ето тѣло мое“ —

— Та-акъ-съ. —

„¿Такъ не льзя ли мнѣ сдѣлать милость поскорѣе его выдать?“

— Та-акъ-съ. —

„А ужъ на благодарность мою надѣйтесь...“

— Та-акъ-съ; — ¿Что же покойникъ-та крѣпостной что ли вашъ былъ?..... —

„Нѣтъ, Иванъ Севастьянычъ, какой крѣпостной, ето тѣло мое, собственное мое.....“

— Та-акъ-съ. —

„Вы можете себѣ вообразить каково мнѣ безъ тѣла. — Сдѣлайте одолженіе, помогите поскорѣе.“

— Все можно-съ, да трудновато немного скоро-то ето дѣло сдѣлать, — вѣдь оно не блинъ, кругомъ пальца не обвернешь; справки надобно навести, кабы подмазать немного..... —

„Да ужъ въ етомъ не сомнѣвайтесь, — вы-

дайте лишь только мое тѣло, а то я и пятидесяти рублей не пожалѣю...“

При сихъ словахъ Севастьянычь поднялъ голову, но не видя никого сказалъ:

„Да войдите сюда, что на морозѣ стоять.“

—Да я здѣсь, Иванъ Севастьянычъ, возлѣ васъ стою. —

Севастьянычь поправилъ лампадку, протеръ глаза, но не видя ничего, пробормоталъ:

„Тьфу къ чорту! — ¿да что я, ослѣпъ что ли? — я васъ не вижу сударь.“

— Ничего нѣтъ мудренаго! ¿какъ же вамъ меня видѣть безъ тѣла? —

„Я право въ толкъ не войду вашей рѣчи, дайте хоть взглянуть на себя.“

— Извольте, я могу вамъ показаться на минуту..... только мнѣ ето очень трудно..... —

И при сихъ словахъ въ темномъ углу стало показываться какое-то лице безъ образа; то явится, то опять пропадетъ —,

словно молодой человѣкъ въ первой разъ пріѣхавшій на балъ, — хочется ему подойти къ дамамъ и боится, выставитъ лице изъ толпы и опять спрячется.....

— Извините-съ — между тѣмъ говорилъ голосъ — сдѣлайте милость извините, вы не можете себѣ вообразить какъ трудно безъ тѣла показываться! — сдѣлайте милость, отдайте его мнѣ поскорѣе, — говорятъ вамъ, что пятидесяти рублей не пожалѣю. —

„Радъ вамъ служить, сударь, но право въ толкъ не возьму вашихъ рѣчей..... ¿есть у васъ просьба?.....“

—¿Помилуйте, —какая просьба? какъ мнѣ было безъ тѣла ее написать? ужъ сдѣлайте милость, вы сами потрудитесь. —

„Легко сказать, сударь, потрудиться, говорятъ вамъ, что я тутъ ни чорта не понимаю.....“

— Ужъ пишите только, — я вамъ буду сказывать. —

Севастьянычъ вынулъ листъ гербовой бумаги.

„Скажите, сдѣлайте милость: ¿есть ли у васъ покрайней мѣрѣ чинъ, имя и отчество? —

— ¿Какъ же? — меня зовутъ Цвеерлей-Джонъ-Луп. —

„¿Чинъ вашъ сударь? "

— Иностранецъ. —

И Севастьянычь написалъ на гербовомъ листѣ крупными буквами:

„Въ Рѣженскій Земскій Судъ отъ иностраннаго недоросля изъ дворянъ Савелія Жалуева, объясненіе:

„¿Чтожъ далѣе?"

— Извольте только писать, — я ужъ вамъ буду сказывать; пишите: имѣю я....—

„¿Недвижимое имѣніе что ли?" спросилъ Севастьянычь.

— Нѣтъ-съ: имѣю я несчастную слабость..... —

„¿Къ крѣпкимъ напиткамъ, что-ли? — о ето весьма непохвально....."

— Нѣтъ-съ: имѣю я несчастную слабость выходить изъ моего тѣла... —

„Кой чортъ!“ вскричалъ Севастьянычъ, кинувъ перо, „да вы меня морочите, сударь!“

— Увѣряю васъ, что говорю сущую правду, — пишите только знайте; пятьдесятъ рублей вамъ за одну просьбу, да пятьдесятъ еще, когда выхлопочите дѣло..... —

И Севастьянычъ снова принялся за перо.

— Сего 20 Октября ѣхалъ я въ кибиткѣ, по своей надобности, по Рѣженскому тракту, на одной подводѣ и какъ на дворѣ было холодно, и дороги Рѣженскаго Уѣзда особенно дурны..... —

„Нѣтъ ужъ на етомъ извините“ возразилъ Севастьянычъ, „етаго написать никакъ нельзя; ето личность, а личности въ просьбахъ помѣщать Указами запрещено....“

— По мнѣ пожалуй; ну такъ просто: на дворѣ было такъ холодно, что я боялся заморозить свою душу, — да и вообще мнѣ такъ захотѣлось скорѣе пріѣхать на ночлегъ..... что я не утерпѣлъ.... и, по своей обыкновенной привычкѣ, выскочилъ изъ моего тѣла.....—

,, Помилуйте! " вскричалъ Севастьянычь. —

— Ничего, ничего, продолжайте, — чтожъ дѣлать если такая у меня привычка... ¿вѣдь въ ней ничего нѣтъ противузаконнаго, не правдали? —

,, Та-акъ-съ " отвѣчалъ Севастьянычь ,, ¿чтожъ далѣе? "

—Извольте писать: выскочилъ изъ моего тѣла, уклалъ его хорошенько во внутренности кибитки..... чтобы оно не выпало,... связалъ у него руки возжами и отправился на станцію.... въ той надеждѣ, что лошадь сама прибѣжитъ на знакомый дворъ...—

,, Должно признаться " замѣтилъ Севастьянычь, ,, что вы въ семъ случаѣ поступили очень неосмотрительно. "

—Пріѣхавши на станцію, я взлезъ на печку отогрѣть душу,..... и когда, по разчисленію моему,..... лошадь должна была возвратиться на постоялый дворъ..... я вышелъ ее провѣдать, но однакоже во всю ту ночь ни лошадь, ни тѣло не возвращались.... на другой день утромъ я поспѣшилъ на то мѣ-

сто, гдѣ оставилъ кибитку.... но уже и тамъ ее не было.... полагаю что бездыханное тѣло мое отъ ухабовъ выпало изъ кибитки и было поднято проѣзжавшимъ Исправникомъ, а лошадь уплелась за обозами..... послѣ трехъ недѣльнаго тщетнаго исканія, я, увѣдомившись нынѣ о объявленіи Рѣженскаго Земскаго Суда, коимъ вызываются владѣльцы найденнаго тѣла,... покорнѣйше прошу оное мое тѣло мнѣ выдать, яко законному своему владѣльцу..... причемъ присовокупляю покорнѣйшую просьбу дабы благоволилъ вышеписанный Судъ сдѣлать распоряженіе..... оное тѣло мое предварительно опустить въ холодную воду, что бы оно стошло... если же отъ случившагося паденія есть въ томъ частоупоминаемомъ тѣлѣ какой либо изъянъ..... или оное отъ морозу гдѣ либо попортилось..... то оное чрезъ Уѣзднаго Лѣкаря приказать поправить на мой коштъ и о всемъ томъ учинить какъ законы повелѣваютъ въ чемъ и подписуюсь..... —

„Ну, извольте же подписывать" сказалъ Севастьянычь окончивши бумагу.

—Подписывать! легко сказать! говорятъ вамъ, что у меня теперь со мною рукъ нѣту — онѣ остались при тѣлѣ; подпишите вы за меня, что за неимѣніемъ рукъ...—

„Нѣтъ! извините, возразилъ Севастьянычь, едакой и формы нѣтъ — а просьбъ писанныхъ не по формѣ, Указами принимать запрещено; если вамъ угодно: за неумѣніемъ грамоты.....“

— Какъ заблагоразсудите! по мнѣ все равно.....—

И Севастьянычь подписалъ: „къ сему объясненію за неумѣніемъ грамоты, по собственной просьбѣ просителя, Губернскій Регистраторъ Иванъ Севастьяновъ сынъ Благосердовъ, руку приложилъ.“

—Чувствительнѣйше вамъ обязанъ, почтеннѣйшій Иванъ Севастьяновичь! Ну, теперь вы похлопочите чтобъ ето дѣло поскорѣе рѣшили,—не можете себѣ вообразить какъ не ловко быть безъ тѣла!... а я сбѣгаю покуда повидаться съ женою..... будьте увѣрены, что я уже васъ не обижу....—

„Постойте, постойте, Ваше Благородіе, вскричалъ Севастьянычь, въ просьбѣ противорѣчіе... — ¿какъ же вы безъ рукъ уклались.... или уклали въ кибиткѣ свое тѣло?... тьфу къ чорту, ничего не понимаю.“

Но отвѣта не было. Севастьянычь прочелъ еще разъ просьбу, началъ надъ нею думать, думалъ — думалъ,...

Когда онъ проснулся, ночникъ погасъ и утренній свѣтъ пробивался сквозь обтянутое пузыремъ окошко. Съ досадою взглянулъ онъ на пустой штофъ, предъ нимъ стоявшій,... ета досада выбила у него изъ головы ночное произшествіе; онъ забралъ свои бумаги не посмотря и отправился на барскій дворъ въ надеждѣ тамъ опохмѣлиться.

Засѣдатель, выпивъ рюмку водки, принялся разбирать Севастьянычевы бумаги и напалъ на просьбу иностраннаго недоросля изъ дворянъ.....

„Ну братъ Севастьянычь“ вскричалъ онъ прочитавъ ее „ты вчера на сонъ грядущій порядкомъ подтянулъ; екую околесную нагородилъ... послушайте-ка Андрей Игнатьевичь,“ прибавилъ онъ, обращаясь къ уѣзд-

ному Лѣкарю, „вотъ намъ какого просителя Севастьянычь предоставилъ,“ и онъ прочелъ уѣздному Лѣкарю курьёзную просьбу отъ слова до слова, помирая со смѣху. „Пойдемте-ка, господа, сказалъ онъ наконецъ, вскроемте ето болтливое тѣло, да если оно не отзовется, такъ и похоронимъ его по добру по здорову, — въ городъ пора.“

Ети слова напомнили Севастьянычу ночное произшествіе —, и какъ оно ни странно ему казалось, — но онъ вспомнилъ о пятидесяти рубляхъ, обѣщанныхъ ему просителемъ, если онъ выхлопочетъ ему тѣло, и сурьёзно сталъ требовать отъ Засѣдателя и Лѣкаря чтобъ тѣло не вскрывать, потому что етимъ можно его перепортить такъ что оно уже никуда не будетъ годится, — а просьбу записать во Входящій обыкновеннымъ порядкомъ.

Само собою разумѣется что на ето требованіе Севастьянычу отвѣчали совѣтами протрезвиться, тѣло вскрыли, ничего въ немъ не нашли и похоронили.

Послѣ сего происшествія, мертвецова просьба стала ходить по рукамъ, вездѣ ее списывали, дополняли, украшали, читали, и долго Рѣженскія старушки крестились отъ ужаса, ее слушая.

Преданіе не сохранило окончанія сего необыкновеннаго происшествія: въ одномъ сосѣднемъ уѣздѣ разсказывали что въ то самое время, когда лѣкарь дотронулся до тѣла своимъ бистуріемъ, владѣлецъ вскочилъ въ тѣло, тѣло поднялось, побѣжало и что за нимъ Севастьянычь долго гнался по деревнѣ, крича изо всѣхъ силъ: „лови, лови покойника!“

Въ другомъ же уѣздѣ утверждаютъ, что владѣлецъ и до сихъ поръ каждое утро и вечеръ приходитъ къ Севастьянычу, говоря: „¿Батюшка Иванъ Севастьянычь, чтожъ мое тѣло? ¿когда вы мнѣ его выдадите?“ и что Севастьянычь, не теряя бодрости, отвѣчаетъ: „А вотъ собираются справки.“ Тому прошло уже лѣтъ двадцать.

III.

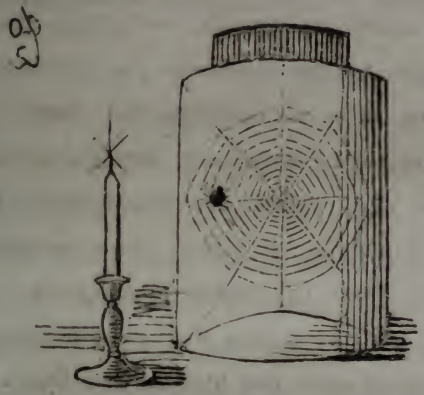
Жизнь и похожденія одного изъ здѣшнихъ обывателей въ стеклянной банкѣ, или Новый Жоко.

(классическая повѣсть.)

Il n'est point de serpent, ni de monstre odieux,
Qui par l'art imité, ne puisse plaire aux yeux.
Boileau.

Змѣи, чудовища, всѣ гнусныя созданья
Плѣняютъ часто насъ въ искусствахъ подражанья.

Переводъ Графа Хвостова.



„.....Что касается до меня,“ сказалъ мнѣ одинъ изъ любезныхъ молодыхъ людей, „то всѣ ваши несчастія — ничто передъ моими. Великая важность, что вы попали въ словарь! Сколько млекопитающихся желали бы добиться этой чести. Мнѣ такъ

напротивъ здѣсь очень хорошо: я такъ пообтерся о печатные листы, что —, сказать безъ самолюбія, — я никакъ не промѣняю теперешняго моего образа на прежній. Не будь я сказкою, — я бы ввѣкъ не понялъ что со мною случилось; — теперь по крайней мѣрѣ, волею неволею, а долженъ ясно понимать всѣ обстоятельства моей жизни, быть готовымъ каждому отдать въ ней отчетъ, а ето право не бездѣлица. Вы горюете, Господа, о томъ, что попались въ Словарь! ¿что бы сказали когдабъ, подобно мнѣ, вы попались въ стеклянную банку и подвергнулись бы опасности быть съѣдену собственнымъ вашимъ родителемъ? Не удивляйтесь, Господа, я разсказываю сущую правду.

Но прежде, нежели я приступлю къ повѣствованію, я долженъ изъяснить вамъ мое недоумѣніе о предметѣ, котораго я и до сихъ поръ не постигаю: ¿зачемъ вы, Господа Человѣки, тѐрпите посреди себя злодѣевъ, которые только и дѣла дѣлаютъ что снимаютъ черепа, разбираютъ мозгъ, растя-

гивають сердце на булавочкахъ, обрываютъ ноги, — злодѣи! которыхъ вы называете Природонаблюдателями, Естествоиспытателями, Ентомологами и проч. т. п. ¿Зачемъ сти господа? ¿зачемъ ихъ холодныя преступленія? ¿на какую пользу? я до сихъ поръ етаго постичь не могу.

Вы улыбаетесь, — вы какъ будто хотите сказать, что я не пойму вашихъ объясненій. Такъ и быть, — я и на то согласенъ...

Слушайтежъ:

Я происхожу отъ рода древняго и знаменитаго Арахнидовъ или Араненсовъ—, ибо до сихъ поръ наши лѣтописцы спорятъ о нашемъ наименованіи. Существуетъ преданіе, что мы родъ свой ведемъ отъ крокодиловъ; Египетскіе Гіероглифы, гдѣ насъ или нашихъ единоплеменниковъ изображаютъ вмѣстѣ съ нашими праотцами и творенія Еліяна могутъ служить вамъ въ томъ порукою; вообще мы играли важную ролю въ древности: знаменитая Лидійская жена, гонимая Минервою, приняла нашъ образъ; Аристотель описывалъ наши древнія битвы

съ ящерицами; Демокритъ увѣрялъ что мы употребляемъ наши сѣти какъ дикобразъ свои иглы; Плиній свидѣтельствовалъ что достаточно двухъ насѣкомыхъ, находящихся въ нашей внутренности для того чтобы истребить человѣка прежде его рожденія, и такова наша важность въ Природѣ, что надъ нашими колыбелями долго спорили ученые называть ли ихъ nymphæ oviformes!

Семейство наше принадлежитъ къ славной фамиліи Ктенизовъ и отецъ мой назывался *Ликосъ*, — слово, котораго высокое значеніе вы должны понять, если знаете по Гречески. Для нашихъ обиталищъ мы роемъ въ землѣ глубокія пещеры; ко входу укрѣпляемъ камни и дерево, которыя гордо поворачиваются на своихъ вереяхъ — отъ насъ люди заняли то, что они называютъ дверями. Сверхъ того—, говоря краснорѣчивыми устами нашихъ біографовъ, — Природа дала намъ: два четыресоставныя кусательныя острія, челюсти зубчатыя, снабженныя когтикомъ; но что всего важнѣе, одарила насъ проворствомъ, хитростію, силою мышцъ и

неукротимою храбростію. Увы! можетъ быть въ ней она положила зародышь и нашего злополучія!

Съ самыхъ юныхъ лѣтъ я боялся отца моего; его грозный видъ, его жестокосердіе устрашали меня; каждый взглядъ его, казалось, грозилъ мнѣ погибелью; матери моей давно уже не было; всѣ братья мои стали жертвою его естественной лютости; уцѣлѣлъ одинъ я, ибо мнѣ удалось убѣжать изъ отеческаго дома; я скрылся среди дикихъ дебрей моей отчизны и часто, среди густыхъ кустарниковъ, съ трепетомъ смотрѣлъ какъ отецъ мой раскидывалъ сѣти пернатымъ, съ какимъ искусствомъ онъ заманивалъ ихъ, или съ какою жадностію истреблялъ себѣ подобныхъ. Между тѣмъ мнѣ надобно было помыслить о своемъ пропитаніи; я рѣшился, по примѣру отца, сдѣлаться охотникомъ, разставлять сѣти; Природа помогла мнѣ: слабыми мышцами я натянулъ верви, притаился и мнѣ пощастливилось; пернатыя, хотя изрѣдка, но попадались ко мнѣ; я питался ими. Такъ протекло долгое время,

нѣсколько уже разъ свѣтлое теплое лѣто уступало мѣсто мрачной холодной зимѣ и снова явилось и согрѣвало мое жилище; я возмужалъ; пламенныя страсти начали волновать меня и я сталъ искать себѣ подруги. Природа, моя руководительница, совершила мое желаніе; я нашелъ подругу; взаимная любовь укрѣпила связь нашу; — мы быстро пробѣгали съ нею высокія скалы; на легкихъ вервіяхъ спускались въ пропасти, вмѣстѣ разставливали сѣти, вмѣстѣ ловили пернатыхъ и весело раздѣляли послѣднюю каплю росы, посылаемой небомъ; вскорѣ я увидѣлъ необходимость увеличить мое жилище, далѣе раскидывать сѣти: уже подруга моя чувствовала себя беременною, она уже боялась оставлять свое жилище, и я одинъ долженъ былъ доставлять ей пищу; съ какою радостію ходилъ я на охоту; природная ловкость и хитрость казалось во мнѣ увеличились; я презиралъ опасности, смѣло нападалъ на враговъ нашихъ и во время зимы —, когда небо темно и когда тягостной сонъ налагалъ цѣпи на всѣхъ обитателей моей отчизны, — я въ тепломъ гнѣздѣ бла-

гословлялъ Природу. — Но увы! не долго продолжалось ето блаженство. Скоро наступили тяжкія времена! молва о могуществѣ и лютости отца моего ежедневно увеличивалась; уже почти всѣ сосѣди мои или сдѣлались его жертвою, или оставили родину; каждый день владѣнія отца моего распространялись; отъ природы быстрый и сильный, онъ взлѣзалъ на высокія скалы, внимательнымъ глазомъ осматривалъ все его окружающее и какъ молнія низпадалъ на свою добычу. Уже отецъ мой приближался къ моему жилищу; уже часто сѣти отца моего касались моихъ сѣтей и стопы его потрясали мое убѣжище. Я въ ужасѣ не оставлялъ ни на минуту моей подруги; къ счастію отецъ еще не примѣтилъ ее; но къ величайшему моему прискорбію часто онъ выхватывалъ добычу, попавшуюся въ мои сѣти, и вмѣсто прежней обильной пищи я принужденъ былъ раздѣлять лишь голодъ съ моею подругою. Еще я скрывалъ отъ нея весь ужасъ нашей участи; терпѣливо сносилъ, когда она упрекала меня въ бездѣйствіи, когда умоляла меня утолить ея

голодъ; но наконецъ силы ея стали истощеваться; блѣдность начала разливаться по ней; всѣ мышцы ея пришли въ оцѣпененіе..... въ грусти я вышелъ изъ моего жилища, — вижу: сѣть шевелится, еще, — уже въ мысляхъ ловлю добычу, несу къ моей возлюбленной, утоляю и ея и свой голодъ.... таюсь, быстро бросаюсь къ своей цѣли.... ¿что же? отецъ пожираетъ добычу мнѣ принадлежащую! отчаяніе овладѣло мною; въ порывѣ мщенія я рѣшился сразиться съ врагомъ моимъ, не смотря на превосходство его силы, — но въ ту минуту мысль о подругѣ — необходимой жертвѣ врага послѣ моей погибели, ета мысль поразила меня; я удержалъ себя и скрѣпя сердце смотрѣлъ какъ отецъ мой утолилъ свой голодъ, изорвалъ сѣть, мною разкинутую, и гордый, спокойный, возвратился въ свои владѣнія. Между тѣмъ новыя намѣренія родились въ головѣ моей.

Близъ нашей родины находилась ужасная пропасть; границы ея терялись въ отдаленіи и глубины ея никто еще не рѣшался измѣ-

рить; видно однакоже было что огромныя камни покрывали дно ее и мутный источникъ шумѣлъ между ними; нѣкоторые смѣльчаки рѣшались спускаться въ сію пропасть, но всѣ они пропали безъ вѣсти, и носилась молва, что ихъ всѣхъ унесъ потокъ въ своемъ стремленіи. Не смотря на то, одинъ изъ моихъ сосѣдей —, по природѣ любившій путешествовать, — разсказывалъ мнѣ, что за стою пропастью есть не только страны, подобныя нашей, но что близко ихъ есть еще другія —, совсѣмъ отъ нашихъ отличныя, — гдѣ царствуетъ вѣчное лѣто и гдѣ дичи такъ много что сѣтей почти не для чего раскидывать. До сихъ поръ я считалъ разсказы моего сосѣда баснею и совсѣмъ было забылъ о нихъ; но въ сію минуту они пришли мнѣ въ голову, ¿что же? подумалъ я: вездѣ гибель неминуемая: или будемъ жертвою гнѣвнаго врага, или умремъ съ голода — ето вѣрно; страшно и неизвѣстное, — но въ немъ есть всегда какой то призракъ надежды, испытаемъ! Сказано — сдѣлано; я прицѣпилъ легкую вервь къ вершинѣ скалы и принялся спускаться; скоро достигъ я дру-

гой скалы которая служила подножіемъ первой и къ ней также прицѣпилъ веревку, потомъ къ третьей; наконецъ уже не было скалъ подо мною, я качался между небомъ и землею, и —, не смотря на подымавшійся вѣтеръ, — любопытнымъ взоромъ осматривалъ все меня окружающее; уже близко былъ я къ землѣ; видѣлъ, какъ водяное море протекало между моремъ камней и примѣтилъ что въ одномъ мѣстѣ удобно было переправиться чрезъ него на другую сторону, гдѣ какъ мнѣ казалось, зеленѣлись такіяже роскошныя стремнины какъ и въ моей родинѣ. Надежда моя возрасла, и радость взволновала сердце, — какъ вдругъ веревка моя сильно закачалась, ето удивило меня, быстро поднялся я на верхъ и ¿ что же увидѣлъ? — отецъ мой гнался за моей подругой; въ мое отсутствіе онъ замѣтилъ ее, воспылалъ къ ней преступною страстію! нещастная собрала послѣднія силы и увидѣвъ веревку, опущенную въ пропасть, рѣшилась по ней спуститься; я поспѣшилъ ей помочь, уже мы были на половинѣ пути, какъ вдругъ дунулъ порывистый вѣтеръ, вервь оборва-

лась, и я очутился въ бурномъ потокѣ; къ счастію берегъ былъ близко и я, не смотря на ослабѣвшія мои силы, выбрался на сушу; минута собственной опасности заставила меня позабыть о моей подругѣ, — ета минута прошла, грусть и недоумѣніе сжали мое сердце. ¿Гдѣ найти мою подругу, гдѣ найти мое пепелище? Между тѣмъ вдругъ солнце затмилось; гляжу: двѣ, — не знаю какъ назвать, — двѣ движущіяся горы надо мною; небольшія рытвины, расположенные полукружіемъ покрывали ихъ и во внутренности съ шумомъ переливалась какая то красноватая жидкость; онѣ приближаются, я слышу мѣрные удары какого-то молота, на меня пашетъ жаръ, отличный отъ солнечнаго; я сжатъ между двумя горами; не знаю что было со мною въ ету минуту, ибо я потерялъ чувства; когда же опомнился, то увидѣлъ себя въ какомъ то странномъ жилищѣ, котораго великолѣпіе тщетно я бы хотѣлъ изобразить вамъ.

Вокругъ меня были блестящія, прозрачныя стѣны; въ первую минуту мнѣ показа-

лось что то были слившіяся капли росы; но они составлены были частію изъ кристальныхъ колоннъ, самыхъ разнообразныхъ, — частію изъ шаровъ, наполненныхъ воздухомъ, но столь плотно и искусно сжатыхъ что между ними едва замѣтны были отверстія; вскорѣ солнце освѣтило мое жилище; тьмочисленныя краски заиграли на кристаллахъ; переливались радужные цвѣты и отражаясь на поверхности моего тѣла, безпрестанно производили во мнѣ новыя, разнообразныя, сладкія ощущенія! — какъ описать ето величественное зрѣлище! еще прежде я любилъ смотрѣть когда солнце пораждало цвѣты на капляхъ росы, но никогда я не могъ вообразить чтобы лучей его достало украсить столь обширное жилище, какова была моя темница.

Темница — сказалъ я. Такъ! не смотря на все великолѣпіе, меня окружавшее, — я все думалъ о прежнемъ моемъ жилищѣ, о моей подругѣ, о моей независимости. Хватаясь за оконечности кристалловъ, привязывая къ нимъ верви, я хотя съ трудомъ,

но добрался до половины стѣны, — вдругъ что-то зашумѣло надъ моею головою, — новое чудо! — стадо пернатыхъ влетѣло въ мое жилище. Съ новымъ усиліемъ я продолжалъ подниматься, желая найти то отверстіе, въ которое влетѣли пернатые; „вокругъ меня сплошныя стѣны,“ думалъ я — „ето отверстіе должно находиться вверху!“ — ¿но что увидѣлъ я, достигши до потолка? онъ былъ не что иное какъ сборъ произведеній почти изъ всѣхъ царствъ Природы, соединенныхъ между собою почти такъ же, какъ мы соединяемъ верви сѣтей. Я не могъ довольно надивиться искусству того существа которое составило ету ткань; въ ней видны были остатки растеній, остатки насѣкомыхъ, минералы, все ето держалось чудною связью; какихъ усилій, какихъ трудовъ было надобно чтобы не только укрѣпить ето все между собою, но даже собрать съ разныхъ концевъ вселенной. Всего удивительнѣе показалось мнѣ то что ета ткань плотно прилегала къ кристаллу, но однако не была къ нему привязана.

Лишь здѣсь удалось мнѣ объяснить себѣ

для какого употребленія могла быть ета чудная ткань; но и здѣсь еще я спрашиваю самаго себя ¿ ета драгоцѣнная ткань, не смотря на все свое великолѣпіе, можетъ ли быть столь же полезна какъ наши сѣти? — и не одинъ я; я знаю: многіе люди еще не рѣшили етаго вопроса.

Не нашедъ отверстія, я опустился внизъ и видя невозможность вырваться изъ моей темницы, — рѣшился въ ожиданіи удобнаго къ тому случая, воспользоваться дарами судьбы или мощнаго волшебника пославшаго мнѣ пернатыхъ. Къ счастію мнѣ ето не стоило большаго труда; всѣ онѣ были весьма слабы и не попадали, а падали въ сѣти которыя я разставлялъ имъ.

Такъ прошло долгое время, солнце уже начинало скрываться, я приготовлялъ себѣ теплой уголъ на время зимы; ¿ но какъ изобразить мое удивленіе? едва сокрылось солнце, какъ явилось другое. Признаюсь, трепетъ обнялъ меня, когда я подумалъ до какой степени можетъ простираться власть чародѣевъ! Вызвать свое солнце — какъ бы въ насмѣшку надъ свѣтиломъ Природы! пре-

вратить ея порядокъ! до сихъ поръ я не могу вспомнить объ етомъ безъ ужаса! Правда, ето волшебное солнце только свѣтомъ напоминало о настоящемъ; не было у него теплоты; но не смотря на то, оно также какъ настоящее, раскрашивало стѣны кристалловъ меня окружавшія.

Въ то время какъ я разсматривалъ ето чудное явленіе, послышался далекій громъ — Ну, думалъ я, онъ разразитъ чародѣя за его преступленія, разрушитъ мою темницу и я восторжествую....

Чрезъ мгновеніе я замѣтилъ, что етотъ громъ былъ дѣйствіе самаго чародѣйства; онъ не походилъ на обыкновенный громъ Природы ибо продолжался безпрерывно; между тѣмъ жилище мое трепетало; не только каждый кристаллъ отзывался внѣшнимъ звукамъ, но даже вервь, на которой я находился, звучала; доселѣ я не могу себѣ объяснить етаго страннаго дѣйствія: вѣроятно чародѣй, во власти котораго я находился, совершалъ въ ето время какое либо столь страшное таинство, что всѣ предметы имъ сотворенные

вторили его заклинаніямъ; еще болѣе увѣряетъ меня въ етомъ то что трепетъ окружавшихъ меня предметовъ и на меня распространился; мало по малу всѣ мои мышцы стали приходить въ движеніе; чувство, подобное чувству любви, меня взволновало; невидимая сила приковала къ тому мѣсту, гдѣ были слышнѣе звуки и на меня нашло сладкое самозабвеніе; — не знаю долго ли продолжалось ето состояніе; когда я опомнился, тогда уже чародѣйская сила изсякла; звуки умолкли, ложное солнце погасло и мракъ облекалъ всю Природу.

Однажды, когда свѣтило дня сіяло во всемъ блескѣ и жаръ его усиливался, проходя сквозь шары, находившіеся въ стѣнахъ моей темницы, — снова я услышалъ шумъ, потолокъ приподнялся и ¿какъ выразить мое восхищеніе? я увидѣлъ мою подругу, мое гнѣздо; оставляю сердцамъ чувствительнымъ дополнить, что я чувствовалъ въ ету минуту; темница мнѣ показалась чистой, свободной равниной, — и я можетъ быть только въ сію минуту оцѣнилъ вполнѣ ея великолѣпіе;

но не долго продолжался мой восторгъ — снова потолокъ зашевелился, и о ужасъ! мой отецъ спустился въ мою темницу.

Съ сего времени начались мои бѣдствія; въ великолѣпномъ замкѣ негдѣ было укрыться отъ отца моего; — пока еще были пернатые, я былъ спокоенъ; но извѣстна жадность отца моего; скоро онъ истребилъ всѣхъ пернатыхъ; новыхъ не являлось на ихъ мѣсто; голодъ представился намъ со всѣми терзаніями. Къ величайшей горести я въ тоже время сдѣлался отцемъ многочисленнаго семейства, потребности увеличились; ¿разсказывать ли всѣ ужасы нашего положенія? — Уже многіе изъ дѣтей моихъ сдѣлались жертвою отца моего; въ страхѣ, полумертвые бродили мы съ моею подругою по великолѣпнымъ кристалламъ; наконецъ природа превозмогла! однажды —, уже мракъ начиналъ распространяться, — вдругъ я замѣчаю что нѣтъ со мною подруги, собираю послѣднія силы, обхожу замокъ и увы! въ отдаленномъ углу подруга моя пожираетъ собственное дѣтище! въ ету минуту всѣ чув-

ства вспылали во мнѣ: и гнѣвъ, и голодъ, и жалость все соединилось, и я умертвилъ и пожралъ мою подругу.

Послѣ одного преступленія другія уже кажутся легкими: — вмѣстѣ съ отцемъ моимъ мы истребили все, что было живаго въ темницѣ; наконецъ мы встрѣтились съ нимъ на трепещущемъ тѣлѣ моего послѣдняго сына; мы взглянули другъ на друга, измѣряли свои силы, готовы были броситься на смертную битву.... какъ вдругъ раздался страшный трескъ, темница моя разлетѣлась въ дребезги и съ тѣхъ поръ я не видалъ болѣе отца моего.....

¿Что скажете? — ¿моя повѣсть не ужаснѣе ли повѣсти Едипа, разсказовъ Енея?

Но вы смѣетесь, вы не сострадаете моимъ бѣдствіемъ!

Слушайтежъ, гордые люди! отвѣчайте мнѣ ¿вы сами увѣрены ли, убѣждены ли вы какъ въ математической истинѣ, что ваша земля земля, а что вы — люди? что̀ если вашъ шаръ, который вамъ кажется столь обшир-

нымъ —, на которомъ вы гордитесь и своими высокими мыслями и смѣлыми изобрѣтеніями, — что̀, если вся ета спѣсивая громада не иное что какъ гнѣздо непримѣтныхъ насѣкомыхъ на какой нибудь другой землѣ? ¿что̀, если исполинамъ на ней живущимъ вздумается дѣлать надъ вами —, какъ надо мною, — физическія наблюденія, для опыта морить васъ голодомъ, а потомъ прехладнокровно выбросить и васъ и земной шаръ за окошко? изрытыми горами вамъ покажутся ихъ пальцы, моремъ ихъ канавка, годомъ — ихъ день, свѣчка — волшебнымъ солнцемъ, великолѣпнымъ замкомъ — банка, покрытая бумагой, смиренно стоящая на окнѣ и въ которой вы по тонкости своего взора замѣтите то, чего исполины не замѣчаютъ. — А! Господа! что вы на ето скажете?... "

Господинъ Ликосъ замолчалъ, — не знаю что̀ подумали другіе, — но меня до смерти испугали его вопросы; испугали больше, нежели пугаютъ Гг. Критики, которымъ я смѣло отдаю на съѣденье моего мохноногаго Героя, — пусть они себѣ кушаютъ его на здоровье!

IV.

СКАЗКА

О ТОМЪ, ПО КАКОМУ СЛУЧАЮ КОЛЛЕЖСКОМУ СОВѢТНИКУ ИВАНУ БОГДАНОВИЧУ ОТНОШЕНЬЮ НЕ УДАЛОСЯ ВЪ СВѢТЛОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ ПОЗДРАВИТЬ СВОИХЪ НАЧАЛЬНИКОВЪ СЪ ПРАЗДНИКОМЪ.

Во свѣтлой мрачности блистающихъ
ночей
Явился темный свѣтъ изъ солнечныхъ
лучей.
Кн. Шаховской.

Коллежскій Совѣтникъ Иванъ Богдановичъ Отношенье —, въ теченіи 40-лѣтняго служенія своего въ званіи Предсѣдателя какой-то временной Коммиссіи, — провождалъ жизнь тихую и безмятежную. Каждое утро, за исключеніемъ праздниковъ, онъ вставалъ въ 8

часовъ; въ 9 отправлялся въ Коммиссію, гдѣ хладнокровно —, не трогаясь ни сердцемъ, ни съ мѣста, не сердясь и не ломая головы по напрасну, — очищалъ нумера, подписывалъ отношенія, помѣчалъ входящія. Въ семъ занятіи проходило утро. Подчиненные подражали во всемъ своему Начальнику: спокойно, безстрастно писали, переписывали бумаги, и составляли имъ реестры и алфавиты, не обращая вниманія ни на дѣла, ни на просителей. Войдя въ Коммиссію Ивана Богдановича можно было подумать что вы вошли въ трапезу молчальниковъ, — таково было ея безмолвіе. Какая-то тѣнь жизни появлялась въ ней къ концу года, предъ составленіемъ годовыхъ отчетовъ; тогда замѣтно было во всѣхъ чиновникахъ особеннаго рода движеніе, а на лицѣ Ивана Богдановича даже безпокойство; но когда по составленіи отчета Иванъ Богдановичъ подводилъ итогъ, тогда его лице прояснялось и онъ, — ударивъ по столу рукою и сильно вздохнувъ, какъ послѣ тяжкой работы, — восклицалъ: „Ну слава Богу! въ нынѣшнемъ году у насъ бумагъ вдвое болѣе противъ

прошлогодняго!" и радость разливалась по цѣлой Коммиссіи и на завтра снова съ тѣмъ же спокойствіемъ чиновники принимались за обыкновенную свою работу; подобная же аккуратность замѣчалась и во всѣхъ дѣйствіяхъ Ивана Богдановича: никто ранѣе его не являлся поздравлять начальниковъ съ праздникомъ, днемъ имянинъ или рожденья; въ Новый годъ ничье имя выше его не стояло на визитныхъ реестрахъ; мудрено ли, что за все сто онъ пользовался репутаціею основательнаго, дѣловаго человѣка и аккуратнаго чиновника. За то Иванъ Богдановичъ позволялъ себѣ и маленькія наслажденія: въ будни едва било 3 часа какъ Иванъ Богдановичъ вскакивалъ съ своего мѣста, — хотя бы ему оставалось поставить одну точку къ недоконченной бумагѣ,—бралъ шляпу, кланялся своимъ подчиненнымъ и —, проходя мимо ихъ, — говорилъ любимымъ чиновникамъ — двумъ Начальникамъ Отдѣленій и одному Столоначальнику: „Ну... сегодня... знаешь?" Любимые чиновники понимали значеніе этихъ таинственныхъ словъ, кланялись и послѣ обѣда являлись въ домъ Ива-

на Богдановича на партію бостона; и аккуратнымъ поведеніемъ Начальника было произведено столь благодѣтельное вліяніе на его подчиненныхъ, что для нихъ — по утру явиться въ Канцелярію, а вечеромъ играть въ бостонъ, — казалось необходимою принадлежностію службы. Въ праздники они не ходили въ Коммиссію и не играли въ бостонъ, потому что въ праздничный день Иванъ Богдановичъ имѣлъ обыкновеніе послѣ обѣда —, хорошенько расправивъ свой Анинскій крестъ, — выходить одинъ или съ дамами на Невскій Проспектъ; или заходить въ Кабинетъ восковыхъ фигуръ, или въ звѣринецъ, а иногда и въ театръ, когда давали веселую піесу и плясали по Цыгански. Въ семъ безмятежномъ счастіи протекло, какъ сказалъ я, — болѣе сорока лѣтъ —, и во все сіе время, — ни образъ жизни, ни даже черты лица Ивана Богдановича нимало не измѣнились; только онъ сталъ противъ прежняго немного подороднѣе.

Однажды случись въ Коммисіи какое-то екстренное дѣло и, вообразите себѣ, въ самую

страстную субботу; съ ранняго утра собрались въ канцелярію всѣ чиновники и Иванъ Богдановичъ съ ними; писали, писали, трудились, трудились и только къ 4 часамъ успѣли окончить екстренное дѣло. Усталъ Иванъ Богдановичъ послѣ 9 часовой работы; почти обезпамятѣлъ отъ радости, что сбылъ ее съ рукъ и, проходя мимо своихъ любимыхъ чиновниковъ, не утерпѣлъ, проговорилъ: „ну... сегодня... знаешь?“ Чиновники ни мало не удивились сему приглашенію и почли его естественнымъ слѣдствіемъ ихъ утренняго занятія, — такъ твердо былъ внушенъ имъ канцелярскій порядокъ; они явились въ уреченное время, разложились карточные столы, поставились свѣчки, и комнаты огласились веселыми словами: Шесть въ сюрахъ, Одинъ на червяхъ, Мизеръ увертъ и проч. т. п.

Но ети слова достигли до почтенной матушки Ивана Богдановича, очень набожной старушки которая имѣла обыкновеніе по цѣлымъ днямъ не говорить ни слова, не вставать съ мѣста и прилежно заниматься

вывязываніемъ на длинныхъ спицахъ фуфаекъ, колпаковъ и другихъ произведеній изящнаго искусства. На етотъ разъ отворились запекшіяся уста ея и она, прерывающимся отъ непривычки голосомъ, произнесла:

„Иванъ Богдановичъ! А! Иванъ Богдановичъ! что̀ ты... ето?... вѣдь ето... ето... ето не водится... въ такой день... въ карты... Иванъ Богдановичъ!... а!... Иванъ Богдановичъ! что̀ ты... что̀ ты... въ едакой день... скоро заутреня... что̀ ты....“

Я и забылъ сказать что Иванъ Богдановичъ, тихій и смиренный въ продолженіи цѣлаго дня, дѣлался львомъ за картами; зеленый столъ производилъ на него какое-то очарованіе, какъ Сивиллинъ треножникъ; — духовное начало дѣятельности, разлитое Природою по всѣмъ своимъ произведеніямъ; потребность раздраженія; то таинственное чувство которое заставляетъ иныхъ совершать преступленія, другихъ изнурять свою душу мучительною любовію, третьихъ прибѣгать

къ опіуму, — въ организмѣ Ивана Богдановича образовалось подъ видомъ страсти къ бостону; минуты за бостономъ были *сильными минутами* въ жизни Ивана Богдановича; въ ети минуты сосредоточивалась вся его душевная дѣятельность, быстрѣе бился пульсъ, кровь скорѣе обращалась въ жилахъ, глаза горѣли и весь онъ былъ въ какомъ-то самозабвеніи.

Послѣ стаго не мудрено если Иванъ Богдановичъ почти не слыхалъ, или не хотѣлъ слушать словъ старушки: къ тому же въ ету минуту у него на рукахъ были Десять въ сюрахъ, — неслыханное дѣло въ четверномъ бостонѣ!

Закрывъ десятую взятку Иванъ Богдановичъ отдохнулъ отъ сильнаго напряженія и проговорилъ: „Не безпокойтесь, матушка, еще до заутрени далеко; мы люди дѣловые, намъ не льзя разбирать времени, намъ и Богъ проститъ — мы же тотчасъ и кончимъ.“

Между тѣмъ на зеленомъ столѣ ремизъ цѣпляется за ремизомъ; пулька растетъ го-

рою; приходятъ игры небывалыя, такія игры, о которыхъ долго сохраняется память въ изустныхъ преданіяхъ бостонной лѣтописи; игра была во всемъ пылу, во всей красѣ, во всемъ интересѣ, когда раздался первый выстрѣлъ изъ пушки; игроки не слыхали его; они не видали и новаго появленія матушки Ивана Богдановича, которая истощивъ все свое краснорѣчіе, молча покачала головою и наконецъ ушла изъ дома что бы пріискать себѣ въ церквѣ мѣсто по покойнѣе.

Вотъ другой выстрѣлъ — а они все играютъ: ремизъ цѣпляется за ремизомъ, пулька ростетъ и приходятъ игры небывалыя.

Вотъ и третій, игроки вздрогнули, хотятъ приподняться, — но не тутъ то было: они приросли къ стульямъ; ихъ руки сами собою берутъ карты, тасуютъ, раздаютъ; ихъ языкъ самъ собою произноситъ завѣтныя слова бостона; двери комнаты сами собою прихлопнулись.

Вотъ на улицѣ гулъ колокольный, все въ движеніи, говорятъ прохожіе, стучатъ ски-

пажи, а игроки все играютъ и ремизъ цѣпляется за ремизомъ.

„Пора-бъ кончить!“ — хотѣлъ было сказать одинъ изъ гостей, но языкъ его не послушался, какъ то странно перевернулся и сбитый съ толку произнесъ: „Ахъ! что можетъ сравниться съ удовольствіемъ играть въ бостонъ въ Страстную субботу!“

— Конечно! — хотѣлъ отвѣчать ему другой — ¿да что подумаютъ о насъ домашніе? — но и его языкъ также не послушался а произнесъ: „Пусть домашніе говорятъ что хотятъ, намъ здѣсь гораздо веселѣе.“

Съ удивленіемъ слушаютъ они другъ друга, хотятъ противорѣчить, но голова ихъ сама нагибается въ знакъ согласія.

Вотъ отошла заутреня, отошла и обѣдня; добрые люди —, а съ ними и матушка Ивана Богдановича, — въ веселыхъ мечтахъ сладко разговѣться, залегли въ постелю; другіе примѣриваютъ мундиръ, справляются съ Адресъ-

Календаремъ, выправляютъ визитные реестры. Вотъ уже разсвѣло, на улицахъ чокаются, изъ каретъ выглядываетъ золотое шитье, трех-угольныя шляпы торчатъ на фризовыхъ и камлотныхъ шинеляхъ, курьеры на-веселѣ шатаются отъ дверей къ дверямъ, суютъ карточки въ руки швейцаровъ и половину сѣютъ на улицѣ, мальчики играютъ въ битокъ и катаютъ яицы — —

Но въ комнатѣ игроковъ все еще ночь; все еще горятъ свѣчи; игроковъ мучитъ и совѣсть, и голодъ, и сонъ, и усталость, и жажда; судорожно изгибаются они на стульяхъ, стараясь отъ нихъ оторваться, но тщетно: усталыя руки тасуютъ карты, языкъ выговариваетъ Шесть и Восемь, ремизъ цѣпляется за ремизомъ, пулька ростетъ, приходятъ игры небывалыя.

Наконецъ догадался одинъ изъ игроковъ и, собравъ силы, задулъ свѣчки; въ одно мгновеніе онѣ загорѣлись чернымъ пламенемъ; во всѣ стороны разлились темные лучи и бѣлая тѣнь отъ игроковъ

протянулась по полу; карты выскочили у нихъ изъ рукъ: Дамы столкнули игроковъ со стульевъ, сѣли на ихъ мѣсто, схватили ихъ, перетасовали, — и составилась цѣлая масть Ивановъ Богдановичей, цѣлая масть Начальниковъ Отдѣленія, цѣлая масть Столоначальниковъ и началась игра, игра адская, которая никогда не приходила въ голову сочинителя Открытыхъ таинствъ картежной игры.

Между тѣмъ Короли усѣлись на креслахъ, Тузы на диванахъ, Валеты снимали со свѣчей, Десятки —, словно толстые откупщики, — гордо разхаживали по комнатѣ, Двойки и Тройки почтительно прижимались къ стѣнкамъ.

Не знаю долго ли Дамы хлопали объ столъ несчастныхъ Ивановъ Богдановичей, загибали на нихъ углы, гнули ихъ въ пароль, въ досадѣ кусали зубами и бросали на полъ....

Когда матушка Ивана Богдановича, тщетно ожидавшая его къ обѣду, узнала что онъ

никуда не выѣзжалъ и вошла къ нему въ комнату, — онъ и его товарищи усталые, измученные, спали мертвымъ сномъ: кто на столѣ, кто подъ столомъ, кто на стулѣ....

И по Канцеляріямъ долго дивились: ¿отъ чего Ивану Богдановичу не удалось въ Свѣтлое Воскресеніе поздравить своихъ Начальниковъ съ праздникомъ?

V.

ИГОША.

Я сидѣлъ съ нянюшкой въ дѣтской; на полу разостланъ былъ коверъ, на коврѣ игрушки, а между игрушками я; вдругъ дверь отворилась, а никто не взошелъ. Я посмотрѣлъ, подождалъ, — все нѣтъ никого. „Нянюшка! нянюшка! ¿кто дверь отворилъ?“ —

—Безрукій, безногій дверь отворилъ, дитятко!—Вотъ безрукій, безногій и запалъ мнѣ на мысль.

„¿Что за безрукій безногій такой, нянюшка?“

— Ну да такъ, — извѣстно что —, отвѣчала нянюшка, — безрукій, безногій. — Мало мнѣ было нянюшкиныхъ словъ и я бывало какъ дверь ли, окно ли отворится — тотчасъ забѣгу посмотрѣть: не тутъ ли безрукій — и, какъ онъ ни увертливъ, вѣрно бы мнѣ попался, если бы въ то время батюшка не возвратился изъ города и не привезъ съ собою новыхъ игрушекъ, которыя заставили меня на время позабыть о безрукомъ.

Радость! веселье! прыгаю! любуюсь игрушками! а нянюшка ставитъ да ставитъ рядкомъ ихъ на столъ, покрытомъ салфеткою, приговаривая: „Не ломай, не разбей, по маленьку играй, дитятко.“ Между тѣмъ зазвонили къ обѣду.

Я прибѣжалъ въ столовую, когда батюшка разсказывалъ отъ чего онъ такъ долго не возвращался. „Все постромки лопались,“ говорилъ онъ „а не постромки такъ кучеръ

то и дѣло что кнутъ свой теряетъ; а не то пристяжная ногу зашибетъ, бѣда да и только! хоть стань на дорогѣ; ужъ въ самомъ дѣлѣ я подумалъ, ¿не отъ Игоши ли?“ — ¿Отъ какого Игоши? — спросила его маменька. „Да вотъ послушай, — на завражкѣ я остановился лошадей покормить; прозябъ я и вошелъ въ избу погрѣтьея; въ избѣ за столомъ сидятъ трое извощиковъ, а на столѣ лежатъ четыре ложки; вотъ они хлѣбъ ли рѣжутъ, лишній ломоть къ ложкѣ положатъ; пирога ли попросятъ, лишній кусокъ отрушатъ...

„¿Кому ето вы, вѣрно товарищу оставляете, добрые молодцы?“ спросилъ я.

— Товарищу не товарищу —, отвѣчали они, — а такому молодцу, которой обидъ не любитъ. —

„¿Да что же онъ такое?“ спросилъ я.

— Да Игоша, баринъ —

Что за Игоша, вотъ я ихъ и ну допрашивать.

— А вотъ послушайте баринъ —, отвѣчалъ мнѣ одинъ изъ нихъ, — лѣтось у земляка-то родился сынокъ, такой хворенькой Богъ съ нимъ, безъ ручекъ, безъ ножекъ, въ чемъ душа;

не успѣли за попомъ сходить, какъ онъ и духъ изпустилъ; до обѣда не дожилъ. Вотъ дѣлать нѣчего, поплакали, погорѣвали, да и предали младенца землѣ. — Только съ той поры все у насъ стало не по прежнему.... впрочемъ Игоша, баринъ, малый добрый: нашихъ лошадей бережетъ, гривы имъ заплетаетъ, къ попу подъ благословенье подходитъ; — но если же ему лишней ложки за столомъ не положишь, или попъ лишняго благословенья при отпускѣ въ церквѣ не дастъ, то Игоша и пойдетъ кутить: то у попадьи квашню опрокинетъ, или изъ горшка горохъ повыбросаетъ; а у насъ или у лошадей подкову сломаетъ, или у колокольчика языкъ вырветъ, — мало ли что бываетъ —

„И! да я вижу Игоша-то проказникъ у васъ, сказалъ я — отдайте ка его мнѣ и если онъ хорошо мнѣ послужитъ, то у меня ему славное житье будетъ, я ему пожалуй и харчевыя назначу.

„Между тѣмъ лошади отдохнули, я отогрѣлся, сѣлъ въ бричку, покатился: не отъѣхали версты — шлея соскочила, потомъ постромки оборвались, а наконецъ ось попо-

ламъ, — цѣлыхъ два часа по напрасну потеряли. Въ самомъ дѣлѣ подумаешь что Игоша ко мнѣ привязался. "

Такъ говорилъ Батюшка; я не пропустилъ ни одного слова. — Въ раздумьи пошелъ я въ свою комнату, сѣлъ на полу, но игрушки меня не занимали, — у меня въ головѣ все вертѣлся Игоша да Игоша. Вотъ я смотрю —, няня на ту минуту вышла, — вдругъ дверь отворилась; я по своему обыкновенію хотѣлъ было вскочить, но невольно присѣлъ, когда увидѣлъ что ко мнѣ въ комнату вошелъ припрыгивая маленькій человѣчикъ въ крестьянской рубашкѣ, подстриженный въ кружокъ; глаза у него горѣли какъ угольки и голова на шейкѣ у него безпрестанно вертѣлась; съ самаго перваго взгляда, я замѣтилъ въ немъ что-то странное, посмотрѣлъ на него пристальнѣе и увидѣлъ что у бѣдняжки не было ни рукъ ни ногъ а прыгалъ онъ всѣмъ туловищемъ. Смотрю, маленькій человѣчикъ прямо къ столу, гдѣ у меня стояли рядкомъ игрушки, вцѣпился зубами въ салфетку и потянулъ ее какъ собаченка; посыпались мои игрушки: и фарфо-

ровая моська въ дребезги, барабанъ у барабанщика выскочилъ, у колясочки слетѣли колеса, — я взвылъ и закричалъ благимъ матомъ: „что ты за негодный мальчишка! — зачемъ ты сронилъ мои игрушки едакой злыдень! да что еще мнѣ отъ нянюшки достанется! говори — ¿ за чѣмъ ты сронилъ игрушки? “

— А вотъ зачемъ —, отвѣчалъ онъ тоненькимъ голоскомъ, — за тѣмъ —, прибавилъ онъ густымъ басомъ, — что твой батюшка всему дому валежки сшилъ, а мнѣ маленькому —, заговорилъ онъ снова тоненькимъ голоскомъ —, ни одного не сшилъ, а теперь мнѣ маленькому холодно, на дворѣ морозъ, гололедица, пальцы костенѣютъ. —

„Ахъ жалкинькій! “ сказалъ я сначала, но потомъ одумавшись „да какіе пальцы, негодный, да у тебя и рукъ-то нѣтъ ¿ на что тебѣ валежки? “

— А вотъ на что —, сказалъ онъ басомъ, — что ты вотъ видишь, твои игрушки въ дребезгахъ, такъ ты и скажи батюшкѣ: „батюшка, батюшка Игоша игрушки ломаетъ, валежекъ проситъ, купи ему валежки. “ —

Игоша не успѣлъ окончить какъ нянюшка вошла ко мнѣ въ комнату; Игоша не простъ молодецъ, разомъ лыжи навострилъ; — а нянюшка на меня: „Ахъ ты проказникъ сударь! ¿ за чемъ изволилъ игрушки сронить? Вотъ ужо тебя маминька —“

— Нянюшка! не я уронилъ игрушки, право не я, ето Игоша —

„Какой Игоша сударь — еще изволишь выдумывать.“

— Безрукій, безногій — нянюшка. —

На крикъ прибѣжалъ батюшка, я ему разсказалъ все какъ было, онъ расхохотался — „изволь, дамъ тебѣ валежки, отдай ихъ Игошѣ —“

Такъ я и сдѣлалъ. Едва я остался одинъ какъ Игоша явился ко мнѣ, только уже не въ рубашкѣ, а въ полушубкѣ. „Добрый ты мальчикъ,“ сказалъ онъ мнѣ тоненькимъ голоскомъ „— спасибо за валежки; посмотри-ка я изъ нихъ себѣ какой полушубокъ сшилъ, вишь какой славный!“ — и Игоша сталъ повертываться со стороны на сторону и опять къ столу, на которомъ нянюшка

поставила свой завѣтный чайникъ, очки, чашку безъ ручки, и два кусочка сахару,— и опять за салфетку и опять ну тянуть.

„Игоша! Игоша!“ закричалъ я „погоди, не роняй — хорошо мнѣ одинъ разъ прошло, а въ другой не повѣрятъ; скажи лучше, что тебѣ надобно?“

— А вотъ что —, сказалъ онъ густымъ басомъ,—я твоему батюшкѣ вѣрой и правдой служу, не хуже другихъ слугъ ни чего не дѣлаю, а имъ всѣмъ батюшка къ празднику сапоги пошилъ, а мнѣ маленькому—,прибавилъ онъ тоненькимъ голоскомъ, — и сапожишковъ нѣтъ, на дворѣ днемъ мокро, ночью морозно, ноги ознобишь... — и съ сими словами Игоша потянулъ за салфетку и полетѣли на полъ и завѣтный нянюшкинъ чайникъ, и очки выскочили изъ очешника, и чашка безъ ручки разшиблась, и кусочикъ сахарца укатился.....

Вошла нянюшка, опять меня журить; я на Игошу, она на меня. „Батюшка, безногій сапоговъ проситъ“ закричалъ я, когда вошелъ батюшка. — Нѣтъ шалунъ, сказалъ ба-

тюшка—разъ тебѣ прошло въ другой разъ не пройдетъ; сдакъ ты у меня всю посуду перебьешь; полно про Игошу-то толковать, становись-ка въ уголъ. —

„Не бось, не бось“ шепталъ мнѣ кто-то на ухо „я уже тебя не выдамъ.“

Въ слезахъ я побрелъ къ углу. Смотрю: тамъ стоитъ Игоша; только батюшка отвернется, а онъ меня головой толкъ да толкъ въ спину, и я очутюсь на коврѣ съ игрушками посрединѣ комнаты; батюшка увидитъ, я опять въ уголъ; отворотится, а Игоша снова меня толкнетъ.

Батюшка разсердился. „¿Такъ ты еще не слушаться? сказалъ онъ—„сей часъ въ уголъ и ни съ мѣста.“

— Батюшка, ето не я — ето Игоша толкается. —

„ Что ты вздоръ мелешь, негодяй; стой тихо, а не то на цѣлый день привяжу тебя къ стулу. “

Радъ бы я былъ стоять, но Игоша не давалъ мнѣ покоя; то ущипнетъ меня, то от-

толкнетъ, то сдѣлаетъ мнѣ смѣшную рожу— я захохочу; Игоша для батюшки былъ невидимъ—и батюшка пуще разсердился.

„Постой“ сказалъ онъ—„ увидимъ какъ тебя Игоша будетъ отталкивать“—и съ сими словами привязалъ мнѣ руки къ стулу.

А Игоша не дремлетъ: онъ ко мнѣ и ну зубами тянуть за узлы; только батюшка отворотится, онъ петлю и вытянетъ; не прошло двухъ минутъ—и я снова очутился на коврѣ между игрушекъ, по срединѣ комнаты.

Плохо бы мнѣ было, если бы тогда не наступилъ уже вечеръ; за непослушаніе меня уложили въ постель ранѣе обыкновеннаго, накрыли одѣяломъ и велѣли спать, обѣщая что завтра сверхъ того меня запрутъ одного въ пустую комнату.

Ночью, едва нянюшка загнула въ свинецъ свои пукли, надѣла коленкоровый чепчикъ, бѣлую канифасную кофту, пригладила виски свѣчнымъ огаркомъ, покурила ладо-

номъ и захрапѣла, — я прыгъ съ постели, схватилъ нянюшкины ботинки и махнулъ ихъ за окошко, проговоря въ полголоса: „вотъ тебѣ Игоша.“

— Спасибо! — отвѣчалъ мнѣ со двора тоненькій голосокъ.

Разумѣется, что ботинокъ на завтра не нашли —, и нянюшка не могла надивиться куда онѣ дѣвались.

Между тѣмъ, батюшка не забылъ обѣщанія и посадилъ меня въ пустую комнату, такую пустую, что въ ней не было ни стола, ни стула, ни даже скамейки.

„Посмотримъ“ сказалъ батюшка „что здѣсь разобьетъ Игоша!“ и съ етими словами заперъ двери.

Но едва онъ прошелъ нѣсколько шаговъ, какъ рама выскочила и Игоша съ ботинкой на головѣ запрыгалъ у меня по комнатѣ: „спасибо! спасибо“ закричалъ онъ пискливо „вотъ какую я себѣ славную шапку сшилъ!“

—Ахъ! Игоша! не стыдно тебѣ! я тебѣ и полушубокъ досталъ и ботинки тебѣ вы-

бросилъ изъ окошка, — а ты меня только въ бѣды вводишь! —

„Ахъ ты неблагодарный,“ закричалъ Игоша густымъ басомъ „я ли тебѣ не служу“ прибавилъ онъ тоненькимъ голоскомъ „я тебѣ и игрушки ломаю, и нянюшкины чайники бью, и въ уголъ не пускаю и веревки развязываю; а когда уже ничего не осталось, такъ рамы бью; да къ томужъ служу тебѣ и батюшкѣ изъ чести, обѣщанныхъ харчевыхъ не получаю, а ты еще на меня жалуешься. Правду у насъ говорится, что люди самое неблагодарное твореніе! Прощай же, братъ, если такъ, не поминай меня лихомъ. Къ твоему батюшкѣ пріѣхалъ изъ города Нѣмецъ, докторъ, попробую ему послужить; я ужъ и такъ ему стклянки перебилъ, а вотъ къ вечеру послѣ ужина и парикъ подъ биліярдъ закину,—посмотримъ не будетъ ли онъ тебя благодарнѣе...“

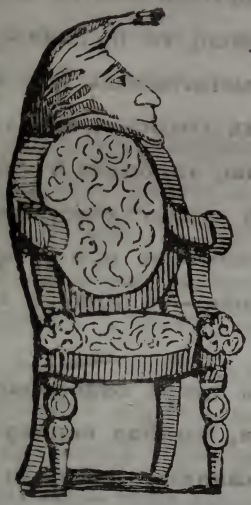
Съ сими словами изчезъ мой Игоша и мнѣ жаль его стало.

VI.

ПРОСТО СКАЗКА.

Галлеръ прежде меня замѣтилъ что въ ту минуту когда мы засыпаемъ, но еще не совершенно заснули, все что для насъ было легкимъ очеркомъ, получаетъ образъ полный и опредѣленный.

Жанъ-Поль-Рихтеръ.



Лысый Валтеръ опустилъ перо въ чернильницу и заснулъ. Въ туже минуту тысячи голосовъ заговорили въ его комнатѣ. Валтеръ хочетъ вынуть перо, но тщетно, — перо прицѣпилось къ краямъ чернильницы; въ досадѣ онъ схатываетъ его обѣими

руками, — все тщетно, перо упорствуетъ, извивается между пальцами словно змѣя, ростетъ и получаетъ какую-то сердитую физіогномію. Вотъ изъ узкаго отверстія слышится жалостный стонъ, похожій то на кваканье лягушки, то на плачъ младенца.— „¿Зачемъ ты вытягиваешь изъ меня душу?“ говорилъ одинъ голосъ „она такъ же какъ твоя безсмертна, свободна и способна страдать.“ — „Мнѣ душно“ говорилъ другой голосъ„ — ты сжимаешь мои ребра, ты точишь плоть мою, — я живу и страдаю.“

Между тѣмъ дверь отворилась и Волтеровскія кресла, изгибая спинку и медленно передвигая ножками, вступали въ комнату и на Волтеровскикъ креслахъ сидѣлъ надувшись колпакъ; онъ морщился, кисть становилась ежемъ на его темѣ и онъ произнесъ слѣдующія слова: Ру, ру, ру! храпъ, храпъ, храпъ! уха, уха, уха! молчите слабоумные! отвѣчайте мнѣ: ¿слыхалили вы о вязальныхъ спицахъ? вашъ мѣлкій умъ постигалъ ли когда нибудь чулочную петлю? Въ ней начало вещей и пучина пре-

мудрости; глубокомысленныя нити зародили петлю; петлю создали спицы; спицы съ петлею создали колпакъ, вѣнецъ природы и искусства, альфа и омега вселенной, лебединая пѣснь чулочнаго мастера. Здѣсь таинство! все для колпака, все колпакъ и ничего нѣтъ внѣ колпака!"

Перо взъерошилось, чернилица зашаталась и хотѣла уже брызнуть на колпакъ своею черною кровію. Горе было бы колпаку, еслибъ въ самое то время не раздалось по комнатѣ: „шустъ, шустъ клапъ, шустъ шустъ клапъ" и красная съ пуговкой туфля, кокетствуя и вертясь на каблукѣ не прихлопнула крышечку чернильницы.—Чернильница принуждена была выпустить перо, а перо безъ его души, какъ мертвое, упало на столъ и засохло съ досады.

„Ру, ру, ру, моя красавица, скажи: ¿какой чулочный мастеръ могъ создать такое чудо природы, такую красоту неописанную?"

—Шустъ, шустъ клапъ—, отвѣчала туфля,—меня создалъ не чулочный мастеръ, а тотъ,

кто превыше чулочнаго міра, кто топчетъ чулки, отъ кого прячутся башмаки, и самые высокіе ботфорты трепещутъ; меня создалъ сапожникъ! —

„Какъ!“ возразилъ колпакъ „¿кто нибудь кромѣ чулочнаго мастера могъ такъ искусно выгнуть твою шкурку, такъ ловко спустить твою пятку? — храпъ, храпъ, храпъ! позвольте мнѣ вамъ сдѣлать вопросъ, можетъ быть не скромный: ¿на сколькихъ петляхъ васъ вязали?“

„Несчастный! какой туманъ затмѣваетъ твой разсудокъ! ¿не уже ли ты подобно перьямъ, чернилницамъ, стульямъ и всѣмъ безсмысленнымъ тварямъ, никогда незнавшимъ шила и колодки, неужели, — подобно имъ, ты не признаешь великаго сапожника? ¿не уже ли спицы не дали тебѣ понятія о чемъ то высшемъ, о томъ, безъ чего не могли бы существовать ни башмаки, ни колоши, ни самые ботфорты; чего не льзя утапть и въ самомъ мѣлко связанномъ мѣшкѣ, шустъ, шустъ клапъ! и что называютъ — шиломъ?“

Колпакъ смутился и поблѣднѣлъ; петли находились въ судорожномъ движенiи и шептали между собою: ¿Што тамъ туфля шушукаетъ про сапошнаго мастера? ¿што за штука? ¿не ушъ ли онъ больше чулошнаго? —

Между, тѣмъ туфля сверкая блестящею пуговкою, вспрыгнула на креслы, нагнула носикъ колпачной шишечки и нѣжно затрогивая его каблучкомъ, говорила ему съ ласкою: „Храпушка, храпушка! шустъ шустъ клапъ, шустъ шустъ клапъ! обратися къ намъ, у насъ хорошо, у насъ небо сафьянное, у насъ солнце пуговка, у насъ мѣсяцъ шишечкой, у насъ звѣзды гвоздики, у насъ жизнъ сыромятная, въ ваксѣ по горло, щетки не считаны. . . . .“ —

Не совсѣмъ понималъ ее колпакъ, однако догадывался что въ словахъ туфли есть что то высокое и таинственное. — Еще долго говорили они, долго нѣжный лепетъ туфли сливался съ рукуканьемъ колпака; миловидность ея докончило то, чего не

могло бы сдѣлать одно краснорѣчіе и колпакъ, прикрывая туфлю своею кисточкою, поплелся за нею, нѣжно припѣвая: „храпъ, храпъ, храпъ, ру, ру, ру.“

„¿Куда ведутъ тебя, бѣдный колпакъ?“ закричала ему мыльница. „¿Зачемъ вѣришь своей предательницѣ? не душистое мыло ты найдешь у нее, тамъ ходятъ грубыя щетки; и не розовая вода, а каплетъ черная вакса! Воротись пока еще время, а послѣ — не отмыть мнѣ тебя.“

Но колпакъ ничего не слыхалъ, онъ лишь вслушивался въ шушуканье туфли и слѣдовалъ за ней, какъ младенецъ за нянькою.

Пришли. Смотрятъ. Мудрено. На огромной колодкѣ торчало шило; концы купались въ вару; рядами стояли башмаки, сапоги всѣхъ званій и возрастовъ, смазные, съ отворотами; колоши волочились за ботиками и почтительно кланялись ботфортамъ, занимавшимъ первыя мѣста, и между тѣмъ огромныя щетки потчивали гостей ваксою!

Величественна было ета картина! она поразила колпакъ; все, что ни воображалъ когда либо питяный мозгъ его не могло сравниться съ симъ зрѣлищемъ, и онъ невольно наклонилъ свою кисточку. Одни петли замѣтили что всѣ ботфорты и большая часть сапоговъ были пьяны; тщетно докладывали они о томъ колпаку, колпакъ въ пылу своихъ восторговъ не вѣрилъ ни чему и называлъ предусмотрительное шушуканье петель пустыми прицѣпками.

Между тѣмъ туфля не дремала, она быстро подвела колпакъ къ колодкѣ; колпакъ встревоженный, внѣ себя отъ восторга, думалъ что наконецъ близка минута его соединенія съ прекрасною туфлею,.... какъ вдругъ колодка зашевелилась, ботфорты попадали, колоши застучали, каблуки затопали, туфля захлопала; бѣшеное шило вертѣлось и кричало между толпою и чугунный молотокъ съ глупу хлопнулъ отъ радости по толстому брюху бутыли; рѣки ваксы полились на бѣдный колпакъ.... ¿и гдѣ ты прежняя бѣлизна колпака? ¿гдѣ его чи-

стота и невинность? гдѣ то сладкое время, когда бывало колпакъ выходилъ изъ корыта, какъ Киприда изъ морской пѣны и солнце отражаясь на огромной лысинѣ Валтера, улыбалось ему? вспомнилъ онъ слова мыльницы! несчетный рядъ воспоминаній пробудился въ душѣ колпака; угрызеніе совѣсти толстыми спицами кололо его внутренность; онъ почувствовалъ весь ужасъ своего положенія, всю легкомысленность своего поступка; онъ узрѣлъ пагубныя слѣдствія своей опрометчивой довѣренности къ вѣтреной туфлѣ, опрометью бросился онъ къ корыту: „Щелокъ спасетъ меня!“ думалъ онъ „мыло! корыто! заклинаю васъ! поспѣшите ко мнѣ на помощь, омойте меня отъ безчестія, пока не проснулся нашъ Валтеръ.....“

Но колпакъ остался не вымытымъ, потому что въ ету минуту Валтеръ проснулся...

VII.

СКАЗКА,

О ТОМЪ, КАКЪ ОПАСНО ДѢВУШКАМЪ ХОДИТЬ ТОЛПОЮ ПО НЕВСКОМУ ПРОСПЕКТУ.

Какъ сударыня! вы уже хотите оставить насъ? — Съ позволенія вашего попровожду васъ. — „Нѣтъ не хочу чтобъ такъ учтивый господинъ потрудился для меня.“ — Изволите шутить, сударыня.

Manuel pour la conversation, par Madame de Genlis, p. 375.

Однажды въ Петербургѣ было солнце; по Невскому проспекту шла цѣлая толпа дѣвушекъ; ихъ было одинадцать, ни больше ни меньше и одна другой лучше; да три маменьки, про которыхъ къ несчастію нельзя было сказать того же. Хорошенькія головки

вертѣлись, ножки топали о гладкій гранитъ,— но имъ всѣмъ было очень скучно: онѣ ужъ давно другъ друга пересмотрѣли, давно другъ съ другомъ обо всемъ переговорили, давно другъ друга пересмѣяли и смертельно другъ другу надоѣли: но все таки держались рука за руку, и не отставая другъ отъ дружки шли монастырь монастыремъ; таковъ уже у насъ обычай: — дѣвушка умретъ со скуки, а не дастъ своей руки мущинѣ, если онъ не имѣетъ счастія быть ей братомъ, дядюшкой, или еще болѣе завиднаго счастія — восьмидесяти лѣтъ отъ роду; ибо: „¿что скажутъ маменьки?“ — Ужъ ети мнѣ маменьки! когда нибудь доберусь я до нихъ! я выведу на свѣжую воду ихъ старинныя проказы! я разберу ихъ уставъ благочинія, я докажу имъ что онъ не природой написанъ, не умомъ скрѣпленъ! Мѣшаются не въ свое дѣло, а наши дѣвушки скучаютъ, скучаютъ, вянутъ, вянутъ, пока не сдѣлаются сами похожи на маменекъ, а маменькамъ то и по сердцу! — Погодите! Я васъ!

Какъ бы то ни было, а наша толпа ле-

тѣла по проспекту и часто набѣгала на прохожихъ которые останавливались чтобы посмотрѣть на красавицъ; — но подходить къ нимъ никто не подходилъ — ¿да и какъ подойти? Спереди маменька, сзади маменька, въ серединѣ маменька — страшно!

Вотъ на Невскомъ проспектѣ новопріѣзжій искусникъ выставилъ блестящую вывѣску! — сквозь окошки свѣтятся парообразныя дымки, сыплются радужные цвѣты, золотистой атласъ льется водопадомъ по бархату и хорошенькія куколки —, въ пухъ разряженныя, — подъ хрустальными колпаками, казалось, киваютъ головою. — Вдругъ наша первая пара остановилась, поворотилась — и прыгъ на чугунныя ступеньки; за ней другая, потомъ третья и наконецъ вся лавка наполнилась красавицами. Долго онѣ разбирали, любовались — да и было чѣмъ: хозяинъ такой быстрый, съ синими очками, въ модномъ фракѣ, съ большими бакенбардами, затянутъ, перетянутъ, чуть не ломается; онъ и говоритъ и продаетъ, хвалитъ и бранитъ, и деньги беретъ и отмѣриваетъ; —

безпрестанно онъ разстилаетъ и разставляетъ передъ моими красавицами то газы изъ паутины съ насыпью бабочкиныхъ крылышекъ; то часы которые укладывались на булавочной головкѣ; то лорнетъ изъ мушиныхъ глазъ, въ который въ одно мгновеніе можно было видѣть все что кругомъ дѣлается; то блонду которая таяла отъ прикосновенія; то башмаки сдѣланныя изъ стрекозиной лапки; то перья сплетенныя изъ пчелиной шерстки; — то, увы! румяна которые отъ духу налетали на щечку. Наши красавицы цѣлой бы вѣкъ остались въ етой лавкѣ, если бы не маменьки! — Маменьки догадались, махнули чепчиками, поворотили на лѣво кругомъ и вышедши на ступеньки благоразумно принялися считать, что-бы увѣриться, всѣ ли красавицы выйдутъ изъ лавки; — но по несчастію — (говорятъ ворона умѣетъ считать только до четырехъ), наши маменьки умѣли считать тотько до десяти; не мудрено же что онѣ обочлись и отправились домой съ десятью дѣвушками, наблюдая прежній порядокъ и благочиніе, а одинадцатую позабыли въ магазинѣ.

Едва толпа удалилась, какъ заморскій басурманинъ тотчасъ дверь на запоръ и къ красавицѣ; все съ нея долой: и шляпку и башмачки и чулочки, — оставилъ только, окаянный, юбку да кофточку; схватилъ несчастную за косу, поставилъ на полку и покрылъ хрустальнымъ колпакомъ.

Самъ же за перочинной ножичекъ, — шляпку въ руки — и съ чрезвычайнымъ проворствомъ ну съ нее срѣзывать пыль, налетѣвшую съ мостовой; рѣзалъ, рѣзалъ и у него въ рукахъ очутились двѣ шляпки, изъ которыхъ одна чуть было не взлетѣла на воздухъ, когда онъ надѣлъ ее на столбикъ; потомъ онъ также осторожно срѣзалъ тисненые цвѣты на матеріи, изъ которой была сдѣлана шляпка, — и у него сдѣлалась еще шляпка; потомъ еще разъ — и вышла четвертая шляпка, на которой былъ только оттискъ отъ цвѣтовъ; потомъ еще, — и вышла пятая шляпка простенькая; потомъ еще, еще — и всего набралось у него двѣнадцать шляпокъ; то же окаянный сдѣлалъ и съ платьецемъ и съ шалью и съ башмачками и

съ чулочками, и вышло у него каждой вещи по дюжинѣ, которыя онъ бережно уклалъ въ картонъ съ иностранными клеймами... и все ето, увѣряю васъ, онъ сдѣлалъ въ нѣсколько минутъ. „Не плачь красавица,“ приговаривалъ онъ изломаннымъ Русскимъ языкомъ, — „не плачь! тебѣ же годится на приданое!“ — Когда онъ окончилъ свою работу, тогда прибавилъ: „теперь и твоя очередь, красавица!“

Съ сими словами, онъ махнулъ рукою, топнулъ; на всѣхъ часахъ пробило тринадцать часовъ, всѣ колокольчики зазвенѣли, всѣ органы заиграли, всѣ куклы запрыгали, и изъ банки съ пудрой выскочила безмозглая французская голова; изъ банки съ табакомъ чуткой нѣмецкій носъ съ ослиными ушами; а изъ бутылки съ содовой водою туго набитый англинскій животъ. Всѣ ети почтенные господа усѣлись въ кружокъ и выпучили глаза на волшебника.

„Горе!“ вскричалъ чародѣй.

“Да! горе“ — отвѣчала безмозглая французская голова — „пудра вышла изъ моды!“

„Не въ томъ дѣло,“ проворчалъ Англинскій животъ,“ — меня словно пустой мѣшокъ за порогъ выкидываютъ.“

„Еще хуже“ — просопѣлъ Нѣмецкій носъ, — „на меня верхомъ садятся, да еще пришпориваютъ.“

„Все не то!“ возразилъ чародѣй — „все не то! еще хуже: Русскія дѣвушки не хотятъ больше быть заморскими куклами! — вотъ настоящее горе! продолжись оно — и Русскіе подумаютъ, что они въ самомъ дѣлѣ такіе же люди...“

„Горе! горе!“ закричали въ одинъ голосъ всѣ басурманы.

„Надобно имъ навезти побольше романовъ мадамъ Жанлисъ.“ говорила голова.

„Внушить имъ правила нашей нравственности“ толковалъ животъ.

„Выдать ихъ замужъ за нашего брата“ твердилъ чуткій носъ.

„Все это хорошо!“ отвѣчалъ чародѣй — „да мало! Теперь уже не то что было! На новое горе — новое лѣкарство; надобно

подняться на хитрости!“ Думалъ, долго думалъ чародѣй, — наконецъ махнулъ еще рукою — и предъ собраніемъ явился треножникъ, Марінна баня и реторта, и злодѣи принялись за работу.

Въ реторту втиснули они множество романовъ мадамъ Жанлисъ, Честерфильдовы письма, нѣсколько листовъ изъ Русской азбуки, канву, Итальянскія рулады, дюжину новыхъ контрадансовъ, нѣсколько выкладокъ изъ Англинской нравственной Ариѳметики, и выгнали изъ всего етаго какую-то безцвѣтную и бездушную жидкость. Потомъ чародѣй отворилъ окошко, повелъ рукою по воздуху Невскаго проспекта и захватилъ полную горсть городскихъ сплетней, слуховъ и расказовъ; наконецъ изъ ящика вытащилъ огромный пукъ бумагъ и съ дикою радостію показалъ его своимъ товарищамъ; то были обрѣзки отъ дипломатическихъ писемъ и отрывки изъ письмовника, въ коихъ содержались увѣренія въ глубочайшемъ почтеніи и истинной преданности; — все ето злодѣи, прыгая и хохоча, ну мѣшать съ своимъ бѣ-

совскимъ составомъ: французская голова раздувала огонь, нѣмецкій носъ размѣшивалъ, а англійскій животъ словно пестъ утоптывалъ.

Когда жидкость простыла — чародѣй къ красавицѣ: вынулъ бѣдную, трепещущую изъ подъ стекляннаго колпака и принялся изъ нея, злодѣй! вырѣзывать сердце. О! какъ страдала, какъ билась бѣдная красавица! какъ крѣпко держала она свое невинное, свое горячее сердце! съ какимъ Славянскимъ мужествомъ противилась она басурманамъ. — Уже они были въ отчаяніи, готовы отказаться отъ своего предпріятія; но на бѣду чародѣй догадался, схватилъ какой то маменькинъ чепчикъ, бросилъ на уголья: чепчикъ закурился и отъ етаго курева красавица одурѣла.

Злодѣи воспользовались етимъ мгновеніемъ, вынули изъ нея сердце и опустили его въ свой бѣсовскій составъ. Долго, долго они распаривали бѣдное сердце Русской красавицы, вытягивали, выдували, и когда они

вклѣили его въ свое мѣсто, то красавица позволила имъ дѣлать съ собою все что имъ было угодно. Окаянный басурманинъ схватилъ ея пухленькія щечки, маленькія ножки, ручки, и ну перочиннымъ ножемъ соскребать съ нихъ свѣжій Славянскій румянецъ и тщательно собирать его въ баночку, съ надписью: *rouge végétal;* — и красавица сдѣлалась бѣленькая, бѣленькая какъ копчикъ; насмѣшливый злодѣй не удовольствовался етимъ: маленькой губкой онъ стеръ съ нея бѣлизну и выжалъ въ стклянoчку съ надписью: *lait de concombre*, и красавица сдѣлалась желтая, коричневая; потомъ къ наливной шейкѣ онъ приставилъ пневматическую машину, повернулъ, — и шейка опустилась и повисла на косточкакъ; потомъ маленькими щипчиками разинулъ ей ротикъ, схватилъ язычекъ и повернулъ его такъ чтобы онъ не могъ порядочно выговорить ни одного Русскаго слова; наконецъ затянулъ ее въ узкій корсетъ, накинулъ на нее какую-то уродливую дымку и выставилъ красавицу на морозъ къ окошку. — За симъ басурмане успокоились; безмозглая фран-

цузская голова съ хохотомъ прыгнула въ банку съ пудрою; нѣмецкій носъ зачихалъ отъ удовольствія и поплелся въ бочку съ табакомъ; англійскій животъ молчалъ, но только хлопалъ по полу отъ радости и такъ же уплелся въ бутылку съ содовою водою; и все въ магазинѣ пришло въ прежній порядокъ и только стало въ немъ одною куклою больше!

Между тѣмъ время бѣжитъ да бѣжитъ; въ лавку приходятъ покупщики, покупаютъ паутинный газъ и мушиные глазки, любуются и на куколокъ. — Вотъ одинъ молодой человѣкъ посмотрѣлъ на нашу красавицу, задумался, и —, какъ ни смѣялись надъ нимъ товарищи, — купилъ ее и принесъ къ себѣ въ домъ. Онъ былъ человѣкъ одинокій, нрава тихаго, не любилъ ни шуму, ни крику; онъ поставилъ куклу на видномъ мѣстѣ, одѣлъ, обулъ ее, цѣловалъ ее ножки, и любовался ею какъ ребенокъ. — Но кукла скоро почуяла русскій духъ; ей понравилось его гостепріимство и добродушіе. — Однажды когда молодой человѣкъ задумал-

ся, — ей показалось, что онъ забылъ о ней, — она зашевелилась, залепетала; — удивленный онъ подошелъ къ ней, снялъ хрустальный колпакъ, посмотрѣлъ: его красавица кукла куклою. — Онъ приписалъ ето дѣйствію воображенія и снова задумался, замечтался; кукла разсердилась: ну опять шевелиться, прыгать, кричать, стучать объ колпакъ, — ну такъ и рвется изъ подъ него. — „¿Не ужели ты въ самомъ дѣлѣ живешь?“ говорилъ ей молодой человѣкъ, — „если ты въ самомъ дѣлѣ живая, я тебя буду любить больше души моей; ну докажи же, что ты живешь, — вымолви хотя словечко!“

„Пожалуй!“ сказала кукла, — „я живу, право живу.“

— Какъ! ¿ты можешь и говорить? —, воскликнулъ молодой человѣкъ, — о какое щастіе! ¿не обманъ-ли ето? дай мнѣ еще разъ увѣриться, говори мнѣ о чемъ нибудь! —

„¿Да объ чемъ будемъ мы говорить?“ —

— ¿Какъ объ чемъ? на свѣтѣ есть добро, есть Искусство!.....—

„Какая мнѣ нужда до нихъ!“ отвѣчала

кукла, — „сти выраженія не употребительны!“

— ¿Что сто значитъ? ¿Какъ не употребительны? — ¿развѣ до тебя еще никогда не доходило что есть на свѣтѣ мысли, чувства?... —

„А, чувства! ¿чувства? знаю,“ скоро проговорила кукла, — „чувства глубочайшаго почтенія и такой же преданности, съ которыми честь имѣю быть, милостивый государь, вамъ покорная ко услугамъ..... “

— Ты ошибаешься, моя красавица; ты смѣшиваешь условныя фразы которыя каждый день перемѣняются, съ тѣмъ, что составляетъ вѣчное, незыблемое украшеніе человѣка. —

„¿Знаешь ли, что говорятъ?“ прервала его красавица, — „одна дѣвушка вышла замужъ, но за нею волочится другой, и она хочетъ развестися. Какъ сто стыдно!“

— ¿Что тебѣ нужды до етаго? моя милая, — подумай лучше о томъ какъ многаго ты

на свѣтѣ не знаешь; ты даже не знаешь того чувства которое должно составлять жизнь женщины; — ето святое чувство которое называютъ любовью; которое проникаетъ все существо человѣка; имъ живетъ душа его, оно пораждаетъ рай и адъ на земли.... —

„Когда на балѣ много танцуютъ, то бываетъ весело, когда мало, — такъ скучно" — отвѣчала кукла.

— Ахъ, лучше бы ты не говорила! — вскричалъ молодой человѣкъ, — ты не понимаешь меня, моя красавица! —

И тщетно онъ хотѣлъ ее образумить: приносилъ ли онъ ей книги, — книги оставались неразрѣзанными; говорилъ ли ей о музыкѣ души, — она отвѣчала ему Италіянскою руладою; показывалъ ли картину славнаго мастера, — красавица показывала ему канву.

И молодой человѣкъ рѣшился каждое утро и вечеръ подходить къ хрустальному колпаку и говорить куклѣ: „есть на свѣтѣ добро, есть любовь; читай, учись, мечтай, исчезай въ музыкѣ; — не въ свѣтскихъ фра-

захъ, но въ душѣ чувства и мысли"....
Кукла молчала.

Однажды кукла задумалась и думала долго. — Молодой человѣкъ былъ въ восхищеніи, какъ вдругъ она сказала ему:

„Ну теперь знаю, знаю; есть на свѣтѣ добродѣтель, есть Искусство, есть любовь, не въ свѣтскихъ фразахъ, но въ душѣ чувства и мысли. Примите, милостивый государь, увѣренія въ чувствахъ моей истинной добродѣтели и пламенной любви, съ которыми честь имѣю быть....."

— О! перестань, Бога ради —, вскричалъ молодой человѣкъ, — если ты не знаешь ни добродѣтели, ни любви, — то по крайней мѣрѣ не унижай ихъ, соединяя съ поддѣльными глупыми фразами..... —

„Какъ не знаю!" — вскричала съ гнѣвомъ кукла, — "на тебя ни какъ не угодишь, неблагодарный! — нѣтъ — я знаю, очень знаю: *есть на свѣтѣ добродѣтель, есть Искусство, есть любовь*, какъ равно и глубочайшее почтеніе, съ коими честь имѣю быть....."

Молодой человѣкъ былъ въ отчаяніи. Между тѣмъ кукла была очень рада своему новому пріобрѣтенію; не проходило часа, чтобъ она не кричала: *есть добродѣтель, есть любовь, есть Искусство*, — и не примѣшивала къ симъ словамъ увѣреній въ глубочайшемъ почтеніи: идетъ ли снѣгъ — кукла твердитъ: *есть добродѣтель!* принесутъ ли обѣдать — она кричитъ: *есть любовь!* — и вскорѣ дошло до того что сти слова опротивѣли молодому человѣку. Что̀ онъ ни дѣлалъ: говорилъ ли съ восторгомъ и умиленіемъ, доказывалъ ли хладнокровно, бѣсился ли, насмѣхался ли надъ красавицею— все она никакъ не могла постигнуть какое различіе между затверженными ею словами и обыкновенными свѣтскими фразами; никакъ не могла постигнуть, что любовь и добродѣтель годятся на что нибудь другое, кромѣ письменнаго окончанія.—

И часто восклицалъ молодой человѣкъ: „ахъ, лучше бы ты не говорила!“

Наконецъ онъ сказалъ ей: я вижу что мнѣ не вразумить тебя, что ты не можешь къ завѣтнымъ, святымъ словамъ добра, люб-

ви, Искусства — присоединить другаго смысла, кромѣ *глубочайшаго почтенія и таковой же преданности*.... какъ быть! Горько мнѣ, но я не виню тебя въ етомъ. Слушай же: всякій на семъ свѣтѣ долженъ что нибудь дѣлать; не можешь ты ни мыслить, ни чувствовать; не перелить мнѣ своей души въ тебя... — такъ занимайся хозяйствомъ по старинному Русскому обычаю, — смотри за столомъ, своди счеты, будь мнѣ во всемъ покорна; — когда ты меня избавишь отъ механическихъ занятій жизни, я —, правда не столько тебя буду любить, сколько любилъ бы тогда, когда бы души наши сливались —, но все любить тебя буду....“

„Что я за ключница?“ закричала кукла, разсердилась, заплакала, — “¿развѣ ты затемъ купилъ меня? Купилъ — такъ лѣлѣй, одѣвай, утѣшай. Что мнѣ за дѣло до твоей души и до твоего хозяйства! — Видишь: я вѣрна тебѣ, я не бѣгу отъ тебя, — такъ будь же за то благодаренъ; мои ручки и ножки слабы, я хочу и люблю ничего не дѣлать, ни думать, ни чув-

ствовать, ни хозяйничать, — а твое дѣло забавлять меня. — "

И въ самомъ дѣлѣ такъ было. Когда молодой человѣкъ занимался своей куклой, когда одѣвалъ, раздѣвалъ ее, когда цѣловалъ ея ножки, — кукла была смирна и добра, хотя и ничего не говорила; но если онъ забудетъ перемѣнить ея шляпку, если задумается, если отведетъ отъ нея глаза, — кукла такъ начнетъ стучать о свой хрустальный колпакъ, что хоть вонъ бѣги. — Наконецъ не стало ему терпѣнья: возметъ ли онъ книгу, сядетъ ли обѣдать, ляжетъ ли на диванъ отдохнуть, — кукла стучитъ и кричитъ, какъ живая, и не даетъ ему покоя ни днемъ ни ночью; — и стала его жизнь—не жизнь но адъ. Вотъ молодой человѣкъ разсердился: несчастный не зналъ страданій, которыя вынесла бѣдная красавица, не зналъ какъ крѣпко она держалась за врожденное ей Природою сердце, съ какою болью отдала его своимъ мучителямъ, или учителямъ — и однажды, съ просонья, — онъ выкинулъ куклу за окошко; за ето всѣ

проходящіе его осуждали; однако же куклы ни кто не поднялъ.

¿А кто всему виною? сперва басурманы, которые портятъ нашихъ красавицъ, а потомъ маменьки, которыя не умѣютъ считать дальше десяти. Вотъ вамъ и нравоученіе.

VIII.

Та-же сказка только на изворотъ.

Мнѣ все кажется, что я предъ ящикомъ съ куклами; гляжу какъ движутся передо мною человѣчки и лошадки; часто спрашиваю себя, не обманъ ли ето оптической; играю съ ними, или, лучше сказать, мною играютъ, какъ куклою; иногда забывшись схвачу сосѣда за деревянную руку и тутъ опомнюсь съ ужасомъ.

Гёте Вертеръ — Переводъ Рожалина.

Хорошо вамъ, моя любезная, пишущая, отчасти читающая и отчасти думающая братія! хорошо вамъ на высокихъ чердакахъ вашихъ, въ тѣсныхъ кабинетахъ между покорными книгами и молчаливой бумагой! Изъ слуховаго окошка, а иногда —, изви-

ните, — и изъ передней вы смотрите въ гостиную; изъ нея доходитъ до васъ невнятный говоръ, шарканье, фраки, лорнеты, поклоны, люстры — и только; ¿за что жь вы такъ сердитесь на гостиныя? смѣшно слушать! — вы —, опять извините за сравненіе, право не я виноватъ въ немъ, — вы вмѣстѣ съ лакѣемъ сердитесь зачемъ баринъ ѣздитъ четвернею въ покойной каретѣ, зачемъ онъ просиживаетъ на балѣ до четырехъ часовъ утра, зачемъ изъ бронзы вылитая Стразбуржская колокольня считаетъ передъ нимъ время, зачемъ Рафаель и Корреджіо висятъ передъ нимъ въ золотыхъ рамахъ, зачемъ онъ говоритъ другому вѣжливости, которымъ никто не вѣритъ; — ¿развѣ въ томъ дѣло? ¿Господи, Боже мой! Когда выйдутъ изъ обыкновенія пошлыя нѣжности и приторныя мудрованія о простомъ, искреннемъ, откровенномъ семейственномъ кругѣ, гдѣ къ долгу человѣчества причисляется: вставать въ 7 часовъ, обѣдать въ $2\frac{1}{2}$ и ложиться спать въ 10? еще разъ скажу: ¿развѣ въ томъ дѣло? ¿Что можетъ быть отвратительнѣе невѣжества, когда оно па-

чинаетъ вамъ повѣрять тайны своей нелѣпости? ¿когда оно обнажаетъ предъ вами все свое безобразіе, всю низость души своей? — ¿Что можетъ быть несноснѣе какъ видѣть человѣка, котораго приличіе не заставляетъ скрывать свою щепетильную злость противъ всего священнаго на свѣтѣ; который не стыдится ни своей глупости ни своихъ безчестныхъ разчетовъ, словомъ который откровенно глупъ, откровенно золъ, откровенно подлъ и проч. и проч? ¿Зачемъ нападаете вы на то состояніе общества, которое заставляетъ глупость быть благоразумною, невѣжество — стыдливымъ, грубое нахальство — скромнымъ, спѣсивую гордость — вѣжливою? которое многолюдному собранію придаетъ всю прелесть пустыни, въ которой спокойно и безсмысленно журчатъ волны ручья, не обижая души ни рѣзко нелѣпою мыслію, ни низко униженнымъ чувствомъ? Подумайте хорошенько: ¿всѣ ети вещи, заклейменныя названіемъ *приличій*, можетъ быть, не сами ли собою родились отъ непрерывающагося хода образованности? ¿не суть ли онѣ дань уваженія,

которую посредственность невольно приноситъ уму, любви, просвѣщенію, высокому смиренію духа? ¿Онѣ не-туманъ ли предъ свѣтомъ какого-то новаго міра, который чудится царямъ людскихъ мнѣній, какъ нѣкогда —, въ другіе вѣки, — чудились имъ открытіе новой части земнаго шара, обращеніе крови, паровая машина и надъ чѣмъ люди такъ усердно смѣялись?

Нѣтъ, Господа, вы не знаете общества! вы не знаете его важной части — гостиныхъ! вы не знаете ихъ зла и добра, ихъ Озириса и Тифона. И отъ того: ¿достигаютъ ли ваши епиграммы своей цѣли? Если бы вы посмотрѣли какъ смѣются въ гостиныхъ смотря мимоходомъ на ваши сраженія съ какимъ-то фантомомъ! смотря какъ вы плачете, вы негодуете, до истощенія издѣваетесь надъ чемъ-то несуществующимъ! О! если бы вы положили руку на истинную рану гостиныхъ, — не холодный бы смѣхъ васъ встрѣтилъ; вы бы грустно замолкли, или бы отъ мраморныхъ стѣнъ понесся плачъ и скрежетъ зубовъ!

Попались бы вы въ уголокъ между двумя диванами, гдѣ дуетъ сквозной перекрестный студеный вѣтеръ, — отъ котораго стынетъ грудь, мерзнетъ умъ и сердце перестаетъ биться! Хотѣлъ бы я посмотрѣть, какъ-бы вы вынесли ету простуду! — достало ли бы у васъ въ душѣ столько тепла, чтобы замѣтить какъ какая-нибудь картина Анжело, купленная тщеславіемъ, сквозь холодную оболочку приличій невзначай навѣяла поезію на душу существа по видимому безцвѣтнаго, безчувственнаго; какъ аккорды Моцарта и Бетговена и даже Россини проговорили утонченнымъ чувствамъ яснѣе вашихъ нравоученій; какъ въ причудѣ моды перенеслись въ гостиную сѣмена какой нибудь новой мысли только что разгаданной человѣчествомъ, — какъ будто въ цвѣткѣ, которую пришлецъ изъ странъ отдаленныхъ небрежно бросилъ на почву и самъ не ожидая того обогатилъ ее новымъ чудомъ природы....

Но гдѣ я?... простите меня, почтенный читатель; я обѣщалъ вамъ сказку и зале-

тѣлъ въ какія-то заоблачныя мудрованія... то-то привычка, точно она хуже природы, которая сама такъ скучна— въ описаніяхъ нашихъ стихотворцевъ и романистовъ! Простите и вы меня, моя любезная пишущая братія! я совсѣмъ не хотѣлъ съ вами браниться; напротивъ, я началъ сіи строки съ намѣреніемъ сказать вамъ комплиментъ —, дернулъ же меня лукавый —, простите, Бога ради простите: впередъ не буду....

Я началъ, помнится, такъ: хорошо вамъ, моя любезная пишущая братія, на высокихъ чердакахъ вашихъ, въ теплыхъ кабинетахъ, окруженная книгами и бумагами и проч., и проч.; вслѣдъ за симъ я хотѣлъ сказать вамъ слѣдующее:

Я люблю васъ и люблю потому, что съ вами можно спорить; положимъ что мы противныхъ мнѣній, — ну, съ вами —, разумѣется за исключеніемъ тѣхъ, съ которыми говорить запрещаетъ благопристойность, — съ вами потолкуешь, поспоришь, докажешь; вы знаете что противъ Логики

спорить нельзя — и концы въ воду, — вы согласитесь; въ гостиныхъ не то; гостиная какъ женщина, о которой говоритъ Шекспиръ, что съ нею бьешься три часа, доказываешь, доказываешь — она согласилась — ¿вы кончили, вы думали убѣдить ее?— ничего не бывало: она отвѣчаетъ вамъ и ¿что же? — опять то жь, что говорила сначала; начинай ей доказывать съ изнова! такая въ ней постоянная мудрость. — Въ подобныхъ случаяхъ, вы сами можете разсудить, — спорить невозможно, а надлежитъ слѣпо соглашаться. Такъ поступилъ и я; лукавый дернулъ меня тиснуть предшедшую сказку въ одномъ альманахѣ и еще подъ чужимъ именемъ, нарочно что бы меня не узнали; такъ нѣтъ, сударь, догадались! если бы вы знали какой шумъ подняли мои дамы и что мнѣ отъ нихъ досталось! хоромъ запѣли мнѣ: „мы не куклы; мы не хотимъ быть куклами; прошло то время, когда мы были куклами; мы понимаемъ свое высокое назначеніе; мы знаемъ что мы душа етаго четвероногаго животнаго, которое называютъ супругами.“ — Ну такъ, что я хоть въ

слезы—однако жь въ слезы радости, мой почтенный читатель! — Етаго мало: вывели на справку всю жизнь красавицы, не хуже моего Ивана Севастьяныча Благосердова, собрали—, едва ли не по подпискѣ,— слѣдующую статью и приказали мнѣ пріобщить ее къ таковымъ же; нѣчего дѣлать — должно было повиноваться; читайте, но уже за нее браните не меня, а кого слѣдуетъ; потому что мнѣ и безъ того достанется за мои другія сказки; увы! я знаю, не пощадятъ причудъ воображенія за горячее неподкупное чувство.— Читайтежъ:

ДЕРЕВЯННЫЙ ГОСТЬ

или

СКАЗКА ОБЪ ОЧНУВШЕЙСЯ КУКЛѢ И ГОСПОДИНѢ КИВАКЕЛѢ.

И такъ бѣдная кукла лежала на землѣ, обезображенная, всѣми покинутая, презрѣнная, безъ мысли, безъ чувства, безъ страданія; она не понимала своего положенія и твердила про себя что она валяется по полу *для изъявленія глубочайшаго почтенія и совершенной преданности....*

Въ ето время проходилъ прародитель Славянскаго племени, тысячелѣтній мудрецъ, пасмурный, сердитый на видъ, но добрый—, какъ всякій человѣкъ обладающій высшими знаніями. Онъ былъ отправленъ изъ древней Славянской отчизны — Индіи къ Сѣверному полюсу по весьма важному дѣлу: ему надлежало вымѣрять и математически опредѣлить много ли въ продолженіи послѣдняго тысячелѣтія выпарилось глупости изъ скудельнаго человѣческаго сосуда и много ли прилилось въ него благодатнаго ума. Задача важная, которую давно уже рѣшила моя почтенная бабушка, но которую Индійскіе мудрецы все еще стараются разрѣшить посредствомъ долгихъ наблюденій и самыхъ утонченныхъ опытовъ и исчисленій;—не на что имъ время терять!

Какъ-бы то ни было, Индійскій мудрецъ остановился надъ бѣдною куклою, горькая слеза скатилась съ его сѣдой ресницы, канула на красавицу и красавица затрепетала какою-то мертвою жизнію, какъ обрывокъ нерва, до котораго дотронулся галваническій прутикъ.

Онъ поднялъ ее, овѣялъ гармоническими звуками Бетговена; свелъ на лице ея разноцвѣтныя краснорѣчивыя краски, разсыпанныя по созданіямъ Рафаеля и Анжело; устремилъ на нее магическій взоръ свой въ которомъ, какъ въ безконечномъ сводѣ отражались всѣ вѣковыя явленія человѣческой мудрости; — и прахомъ разнеслись нечестивыя цѣпи иноземнаго чародѣйства вмѣстѣ съ испареніями стараго чепчика; — и новое сердце затрепетало въ красавицѣ, высоко поднялася душистая грудь, и снова свѣжій Славянскій румянецъ вспыхнулъ на щекахъ ея; наконецъ Мудрецъ произнесъ нѣсколько таинственныхъ словъ на древнемъ Славянскомъ языкѣ который иностранцы называютъ Санскритскимъ; благословилъ красавицу Поезіей Байрона, Державина и Пушкина; вдохнулъ ей искусство страдать и мыслить, и — продолжалъ путь свой.

И въ красавицѣ жизнь живетъ, мысль пыласть, чувство говоритъ; вся Природа улыбается ей радужными лучами; нѣтъ Китайскихъ жемчужинъ въ нити ея существо-

ванія, каждая блещетъ свѣтомъ мечты, любви и звуковъ....

И помнитъ красавица свое прежнее ничтожество; съ стыдомъ и горемъ помышляетъ о немъ, и гордится своею новою прелестію, гордится своимъ новымъ могуществомъ, гордится что понимаетъ свое высокое назначеніе.

Но злодѣи,— которыхъ чародѣйская сила была поражена вдохновенною силою Индійскаго мудреца, не остались въ бездѣйствіи. Они замыслили новый способъ для погубленія Славянской красавицы.

Однажды красавица заснула; въ поэтическихъ грѣзахъ ей являлись всѣ гармоническія видѣнія жизни: и причудливые хороводы мелодій въ безбрежной странѣ Еѳира; и живая кристаллизація человѣческихъ мыслей, на которыхъ радужно играло солнце Поезіи съ каждою минутою все болѣе и болѣе яснѣющее; и пламенные, умоляющіе взоры юношей; и добродѣтель любви; и мощная сила таинственнаго соединенія душъ. То жизнь представлялась ей тихими волнами океана которыя весело разсѣкала

ладья ея, при каждомъ шагѣ вспыхивая игривымъ фосфорическимъ свѣтомъ; то она видѣла себя объ-руку съ прекраснымъ юношею, котораго, казалось, она давно уже знала; гдѣ-то въ незапамятное время, какъ будто еще до ея рожденія, они были вмѣстѣ въ какомъ-то таинственномъ храмѣ безъ сводовъ, безъ столповъ, безъ всякаго наружнаго образа; вмѣстѣ внимали какому-то торжественному благословенію; вмѣстѣ преклоняли колѣна предъ невидимымъ алтаремъ Любви и Поезіи; ихъ голоса, взоры, чувства, мысли сливались въ одно существо; каждое жило жизнію другаго, и гордые своей двойною гармоническою силою, они смѣялись надъ пустыней могилы, ибо за нею не находили предѣловъ бытію любви человѣческой. . . .

Громкій хохотъ пробудилъ красавицу, — она проснулась, — какое-то существо, носившее человѣческій образъ, было предъ нею; въ мечтахъ еще неулетѣвшаго сновидѣнія ей кажется что ето прекрасный юноша который являлся ея воображенію,

протягиваетъ руки — и отступаетъ съ ужасомъ.

Предъ нею находилося существо которое назвать человѣкомъ было бы преступленіе; брюшныя полости поглощали весь составъ его; раздавленная голова качалась безпрестанно какъ-бы въ знакъ согласія; толстый языкъ шевелился между отвисшими губами не произнося ни единаго слова; деревянная душа сквозилась въ отверстія занимавшія мѣсто глазъ и на узкомъ лбѣ его насмѣшливая рука написала: *Кивакель.*

Красавица долго не вѣрила глазамъ своимъ, не вѣрила чтобы до такой степени могъ быть униженъ образъ человѣческій.... Но она вспомнила о своемъ прежнемъ состояніи; вспомнила всѣ терзанія ею понесенныя; подумала что черезъ нихъ перешло и существо предъ нею находившееся; въ ея сердцѣ родилось сожаленіе о бѣдномъ Кивакелѣ и она безропотно покорилась судьбѣ своей; гордая искусствомъ любви и страданія, которое передалъ ей Мудрецъ Востока, она поклялась посвятить жизнь на то чтобы возвысить, возродить грубое уни-

женное существо доставшееся на ея долю, и тѣмъ исполнить высокое предназначеніе женщины въ стомъ мірѣ.

Сначала ея старанія были тщетны: что она ни дѣлала, что ни говорила — Кивакель кивалъ головою въ знакъ согласія — и только: ничто не достигало до деревянной души его. Послѣ долгихъ усилій красавицѣ удалось какъ-то, механически скрѣпить его шаткую голову — ¿но что же вышло? она не кивала болѣе, но осталась совсѣмъ неподвижною какъ и все тѣло. Здѣсь началась новая, долгая работа: красавицѣ удалось и въ другой разъ придать тяжелому туловищу Кивакеля какое-то искусственное движеніе.

Достигши до етого, красавица начала размышлять какъ бы пробудить какое нибудь чувство въ своемъ товарищѣ: она долго старалась раздразнить въ немъ потребность наслажденія, разлитую Природой по всѣмъ тварямъ; представляла ему всѣ возможные предметы, которые только могутъ разшевелить воображеніе животнаго; — но Кивакель, уже гордый своими успѣхами, самъ

избралъ себѣ наслажденіе: толстыми губами стиснулъ янтарный мундштукъ и облака табачнаго дыму сдѣлались его единственнымъ, непрерывнымъ, поетическимъ наслажденіемъ.

Еще безуспѣшнѣе было стараніе красавицы вдохнуть въ своего товарища страсть къ какому-нибудь занятію; къ чему нибудь объ чемъ бы онъ могъ вымолвить слово; почему онъ могъ бы узнать что существуетъ нѣчто такое что называется мыслить;— но гордый Кивакель самъ выбралъ для себя и занятіе; лошадь сдѣлалась его наукою, искусствомъ, поезіею, жизнію, любовью, добродѣтелью, преступленіемъ, вѣрою; онъ по цѣлымъ часамъ стоялъ устремивши благоговѣйный взоръ на ето животное, ничего не помня, ничего не чувствуя, и жадно впивалъ въ себя воздухъ его жилища.

Тѣмъ и кончилось образованіе Кивакеля; каждое утро онъ вставалъ съ утреннимъ свѣтомъ; пересматривалъ восемьдесять чубуковъ, въ стройномъ порядкѣ предъ нимъ разложенныхъ; вынималъ табачный картузъ; съ величайшимъ тщаніемъ и сколь можно

ровнѣе набивалъ всѣ восемьдесять трубокъ; садился къ окошку и молча, ни очемъ не думая, выкуривалъ всѣ восемьдесять одну за другою: сорокъ до и сорокъ послѣ обѣда.

Изрѣдко его молчаніе прерывалось восторженнымъ, изъ глубины сердца вырвавшимся восклицаніемъ, при видѣ проскакавшей мимо него лошади; или онъ призывалъ своего конюшаго, у котораго послѣ глубокомысленнаго молчанія, съ важностію спрашивалъ:

„Что лошади?“

—Да ничего.—

„¿Стоятъ на стойлѣ? не правда ли?“ продолжалъ Господинъ Кивакель.

—Стоятъ на стойлѣ.—

„Ну—тото же. . . .“

Тѣмъ оканчивался разговоръ и снова Господинъ Кивакель принимался за трубку, курилъ, курилъ, молчалъ и недумалъ.

Такъ протекли долгіе годы и каждый день постоянно Господинъ Кивакель выкуривалъ восемьдесять трубокъ и каждый день спрашивалъ конюшаго о своей лошади.

Тщетно красавица призывала на помощь всю силу воли, чувства, ума и воображенія; тщетно призывала на помощь молитву души — вдохновеніе; тщетно старалась плѣнить деревяннаго гостя всѣми чарами искусства; тщетно устремляла на него свой магнетическій взоръ, чтобы имъ пересказать ему то, чего не выговариваетъ языкъ человѣка; тщетно терзалась она; тщетно рвалась; ни ея слова, ни ея просьбы, ни отчаяніе; ни та горькая, язвительная насмѣшка которая можетъ вырваться лишь изъ души глубоко оскорбленной; ни тѣ слезы которыя выжимаетъ сердце отъ долгаго, безпрерывнаго, томительнаго страданія—ничто даже не проскользило по душѣ Господина Кивакеля!—

Напротивъ обжившись хозяиномъ въ домѣ, онъ сталъ смотрѣть на красавицу какъ на рабу свою; горячо сердился за ея упреки; не прощалъ ей ни одной минуты самозабвенія; ревниво слѣдилъ каждый невинный порывъ ея сердца, каждую мысль ея, каждое чувство; всякое слово непохожее на слова имъ произносимыя, онъ на-

зывалъ нарушеніемъ законовъ Божескихъ и человѣческихъ; и иногда—, въ свободное отъ своихъ занятій время, между трубкою и лошадью,—онъ читалъ красавицѣ увѣщанія, въ которыхъ восхвалялъ свое смиренномудріе и охуждалъ то, что онъ называлъ развращеніемъ ума ея...

Наконецъ мѣра исполнилась. Мудрецъ Востока научившій красавицу искусству страдать, не передалъ ей искусства переносить страданія; истерзанная, измученная своею ежеминутною лихорадочною жизнію, она чахла, чахла... и скоро бездыханный трупъ ея Кивакель снова выкинулъ изъ окошка.

Проходящіе осуждали ее больше прежняго....

ЕПИЛОГЪ.

„.... И все мнѣ кажется, что я передъ ящикомъ съ куклами; гляжу какъ движутся передо мною человѣчки и лошадки; часто спрашиваю себя, не обманъ ли ето оптической; играю съ ними, или, лучше сказать, мною играютъ, какъ куклою; иногда забывшись схвачу сосѣда за деревянную руку и тутъ опомнюсь съ ужасомъ....“

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе Издателя..... I
Предисловіе Сочинителя..... VII
Реторта..... 1
Глава 1-я, Введеніе..... 3
Глава 2-я, Какимъ образомъ Сочинитель узналъ отъ чего въ гостиныхъ бываетъ душно... 13
Глава 3-я, Что происходило съ Сочинителемъ, когда онъ попался въ Реторту..... 17
Глава 4-я, Какимъ образомъ Сочинитель попался въ Латинскій Словарь и что онъ въ немъ увидѣлъ..... 20
Сказка о мертвомъ тѣлѣ неизвѣстно кому принадлежащемъ..... 29
Жизнь и похожденія одного изъ здѣшнихъ обывателей въ стеклянной банкѣ..... 53
Сказка о томъ, по какому случаю Коллежскому Совѣтнику Ивану Богдановичу Отношенію не удалось въ Свѣтлое Воскресеніе поздравить своихъ начальниковъ съ праздникомъ..... 75
Игоша..... 89

Просто сказка 103
Сказка, о томъ, какъ опасно дѣвушкамъ ходить толпою по Невскому проспекту 113
Та же сказка, только на изворотъ. 135
Деревянный Гость, или Сказка объ очнувшейся куклѣ и Господинѣ Кивакелѣ 144
Епилогъ 156

X 164

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

Preservation Technologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

THE LIBRARY OF CONGRESS

LIBRARY OF CONGRESS
00025255239